

Взлет

Автор:

Роман Злотников

Взлет

Роман Валерьевич Злотников

Генерал-адмирал #3

Российская империя победила в Русско-японской войне. На Дальнем Востоке разворачивается большое строительство – там тоже прокладывают железные дороги, ставят заводы, фабрики, элеваторы, жилье для русских переселенцев. В европейской части России продолжают бурный рост промышленного производства и подъем сельского хозяйства. Но и Европа, и САСШ не отстают. Теперь о том, что мировой войны не избежать, знает не только Алексей Коржин, бывший топ-менеджер из XXI века, известный в этом времени как великий князь и генерал!адмирал Алексей Романов. Англичане уже построили свой «Дредноут», и с 7 сентября 1907 года все броненосцы мгновенно устарели. Главная задача – усиленная подготовка российских армии и флота к войне под бдительным взглядом «союзников» и противников. Главная интрига – когда и при какой расстановке сил начнется Первая мировая...

Роман Злотников

Взлет

Глава 1

– Мастер-литейщик Никандров Афанасий! – зычно объявил директор.

Афанасий степенно огладил бороду, покосился на стоявших рядом жену и шестерых детей и двинулся к лестнице. Прямо-таки торжественно поднявшись по выстланной красной ковровой дорожкой ступенькам на украшенную коврами трибуну, он остановился перед улыбающимся Адольфом фон Шнитке. Немца среди рабочих уважали. Он приехал в Магнитогорск семнадцать лет назад, чтобы занять должность мастера мартеновского цеха. И за это время последовательно прошел должности мастера, цехового инспектора по труду, начальника цеха, главного инженера мартеновского производства, главного заводского инспектора, заместителя директора. А полтора года назад принял бразды правления у бельгийца Мориса Верхарна, возглавлявшего завод последние одиннадцать лет. Морис Эмильич, как его все тут именовали, решил, заручившись поддержкой великого князя, уйти на вольные хлеба и ныне строил собственный металлургический завод в Хабаровске.

На Дальнем Востоке вообще сейчас разворачивалось большое строительство – тянули несколько веток железной дороги, ставили заводы, фабрики, элеваторы, так что спрос на металл был огромный, и по всему выходило, что он будет только увеличиваться. Ну да после того как Россия вчистую выиграла у Японии развязанную оной войну, явственно прочувствовав во время боевых действий, чем чревато запустение тех мест, правительство всерьез озаботилось их заселением и объявило о предоставлении переселенцам множества льгот и привилегий, в результате на Дальний Восток осваивать богатейшие территории этого края ринулись многие.

– Вот, Афанасий Аникеевич, – улыбаясь, обратился фон Шнитке к Никандрову, – прими как лучший мастер эти ключи. С вас, можно сказать, начинается программа предоставления нового, лучшего жилья в аренду работникам нашего завода. Ну а соседом у тебя, – возвысив голос, объявил он на всю площадь, – будет приятель твой – Бокошко Афиноген Васильевич.

Афанасий знал об этом уже как минимум месяц, с того самого момента, когда в цеховом общинном совете утвердили распределение казенного жилья, но все равно степенно поблагодарил директора и уже собрался покинуть трибуну, как вдруг у дальних ворот показались два массивных автомобиля. Длинные, почти в десять аршин, с большим, полностью закрытым кузовом, поблескивающим синевой толстых стекол, они были знакомы любому жителю Магнитогорска. У Афанасия екнуло под ложечкой. Неужто приехал?..

О том, что Князь, как здесь, голосом подчеркивая, что это слово произносится именно с большой буквы, титуловали великого князя Алексея Александровича Романова, являвшегося владельцем многочисленных заводов и фабрик, построенных не только в самом Магнитогорске, но и в округности десятка верст от него, а также в Свинцовой Горе, Уфе, Павлодаре, Акмолинске, Степном, Барнауле и прочих городах, намерен появиться на нынешней церемонии, слухи ходили давно. Но появится ли он, никто наверняка сказать не мог. Во всяком случае нынешним утром его личный поезд на вокзал Магнитогорска еще не прибыл – уж об этом-то весть по городу распространилась бы мгновенно.

К Князю отношение в этих краях было чуть ли не благоговейное. И именовали его так отнюдь не потому, что он действительно был и князем, и хозяином. Нет, дело заключалось в его собственном отношении к людям. Все знали, что он в отличие от многих других владельцев заводов в России не гнался за одной лишь выгодой, не давил рабочих штрафами, не хватался за малейший повод снизить жалованье. Слишком уж много он тоже не платил – в том же Питере, на Обуховском заводе, получали поболее, чем здесь. Да и штрафы на местных заводах взимали. Но штрафы тут вовсе не были средством выжать из работяги все соки – их использовали как стимул для более ответственного подхода к труду. А то, что заработал, человек получал честно... И все потому, что для Князя этот город не был местом, где только извлекается прибыль, которую потом можно пустить на, скажем, дворец в столице, дом на Лазурном Берегу Франции или особняк в Лондоне. Ну, или на новую яхту, дюжину яиц Фаберже или балетную труппу. Нет, это была земля, на которой он считал себя ответственным за всё. И в первую очередь за людей и их жизнь.

Каждый из тех, кто пришел в эти места еще простым землекопом, плотником либо грузчиком, когда едва начали расти заводские корпуса, или разнорабочим, когда задули первую домну, видел, как пусть и постепенно, но неуклонно меняется их собственная жизнь. И это касалось не только профессионального роста. Например, первой в городе замостили дорогу, ведущую к заводской проходной металлургического завода. А до той, которая вела от вокзала к коттеджам руководителей и особняку самого великого князя, очередь дошла последней. Потом, каждый рабочий мог несколько увеличить свой доход, окончив заводскую школу, поскольку ее выпускникам платили на рубль больше вне зависимости от должности. На рабочих должностях это было весьма существенной прибавкой; вот если человек поднимался повыше – тогда уж нет, но с определенного уровня некоторые должности вообще можно было занять, лишь отучившись в этой школе. А с уровня мастера цеха – еще и в заводском техникуме. Но опять же достаточно было исполнить эти нехитрые требования, и

даже бывший землекоп, пройдя все положенные ступени, мог претендовать на руководящий пост. И для этого не было надобно ничего, кроме собственного желания и силы воли. Ведь школьное образование было бесплатным. И для детей тоже. Причем к настоящему моменту количество мест в школах уже слегка превышало численность детей школьного возраста. Впрочем, строительство школ это не остановило, ибо уже через два-три года число тех, кто должен был пойти в первый класс, должно было возрасти едва ли не вдвое. Во многом опять же благодаря великому князю. Нет, детей народ делал сам (чего бы там не напридумывали писаки из петербургских газет, обвиняя Князя в возрождении права первой ночи), и делал воодушевленно, поэтому рождаемость в Магнитогорске была бешеной. Но именно на его средства в городе появилось несколько больниц, а также целая сеть фельдшерских пунктов, из-за чего детская смертность сократилась в разы.

Были и менее значимые, но более наглядные изменения. Новая набережная. Городской парк, в котором по выходным играл духовой оркестр. Городская сцена, где ставились любительские спектакли и выступали заезжие исполнители даже самого высокого уровня. Великий князь привозил сюда не только русских артистов – из Мариинки, Александринки, Большого Петровского, Императорского камерного и других императорских театров, – но и, скажем, Венскую оперу, и два из четырех спектаклей последняя дала для лучших мастеров и рабочих магнитогорских заводов, которым это обошлось совершенно бесплатно. Всё оплатил Князь. Опять же Публичная библиотека. И заморское чудо – стадион, где цеховые команды каждый выходной сходились друг с другом, выясняя, кто лучше освоил новомодную английскую игру – футбол.

Ну и что там, в столице, делать-то? По заводским окраинам ютиться, раз-другой в год выбираясь оттуда посмотреть столичные диковины? Так у нас этих диковин ничуть не меньше. Эвон в небе над городом что ни день самолеты летают. А то как же, здесь же самый крупный в мире авиационный завод расположен. Триста двадцать самолетов в год выпускает. Трех разных моделей. И автомобилей в городе едва ли не столько же, сколько в любой из столиц. Ведь и самый крупный автозавод здесь же! Эвон в прошлом году начали специальные автомобили делать, которые грузы возить могут, каждый как три-четыре, а иные и как девять-десять крестьянских телег. Недаром хозяева подворий сразу же заинтересовались. Они с автомобилями-то давно знакомы – уже несколько лет агрономы и фельдшеры по подворьям на них разъезжают. Так что присмотрелись. Некоторые хозяева уже и прикупили для себя. Но мало. Ну куда тут на автомобиле ездить-то? На ярмарку разве. А туда ехать лучше на телеге, чтобы там продать, что привезли. Кто ж на ярмарку без своего товара ездит-то?

Глупость это, а не поездка... Ну и что купили – увезти. А в легковую коляску много ли влезет? Один фельдшерский саквояж. Вот грузовики – другое дело. И везут много, и едут куда быстрее любой телеги, да и в хозяйстве не только для поездок на ярмарки пригодятся. Потому и начали хозяева подворий потихоньку такие машины раскупать. Кстати, благодаря этому и в школу детей стали отдавать с большей охотой, потому как учиться на водителя-механика автомобиля брали только имеющих за плечами как минимум четыре класса первой степени образования.

Вот и получалось так, что эти земли, которые все уже давно именовали Княжьей вотчиной, жили несколько иначе, чем вся страна, – богаче, сытнее, спокойнее. И все оттого что великий князь вел себя не как обычный владелец заводов, газет, пароходов, а именно как... князь, то есть властитель земель, заботящийся о людях под его рукой, стремящийся к тому, чтобы их надежды и чаяния на будущее имели шансы воплотиться в жизнь, а само это будущее было бы защищено от набегов врагов и происков недругов. Чтобы строились дома и умножались земли. Чтобы возносились к небесам маковки храмов, а сильные мужские руки подбрасывали в небо смеющихся детей. И люди, даже не умея сформулировать это, ощущали всё так, что, выезжая куда-нибудь из города – родных проведать или могилам предков поклониться, – гордо говорили про себя: «Мы – княжьи!»

И вот теперь две машины, знакомые в здешних местах почитай всем, приближались к трибуне. Стоящий перед Афанасием Никандровым директор завода, тоже их заметивший, дернулся, но тотчас взял себя в руки и с невозмутимым видом ждал, пока машины не остановились и из распахнувшихся дверец не вывалились шестеро дюжих ребят в темных матросских форменках, мгновенно образовав охраняемый периметр. Народ, тут же подавшийся к машинам, слегка качнулся назад и загудел, но скорее одобрительно, чем недовольно. Здесь все знали о покушении на великого князя.

Да что там знали – весь город с месяц на ушах стоял, когда это произошло. Всем, кто хотя бы раз, хотя бы по пьяни сумел выговорить слово «сицилист», немедленно морды начистили. Мало того, мужики едва не сорвались в Екатеринбург, Москву, Санкт-Петербург, Киев и другие крупные города, вооружившись кто дубьем, а кто и охотничьим ружьем, чтобы этих самых «сицилистов», поднявших руку на главного благодетеля, извести под корень. Едва удержали тогда народ. Слава богу, доктор Боткин, человек в этих краях очень уважаемый и почитаемый за своего, «княжьего», бросился к Алексею

Александровичу сразу по получении известия о покушении на него и вовремя прислал в Магнитогорск телеграмму, в которой сообщалось, что опасности для жизни великого князя уже нет.

А вскоре после того стало известно о новом чудодейственном лекарственном средстве под названием «панацелин» – мол, полумертвого от лихomanки на ноги ставит. Обычному человеку, правда, оно было не по карману: одна доза ныне продается по три рубля. И это еще ничего – когда оно только появилось, доза стоила все пятнадцать, потом семь, и вот теперь цена снизилась до трех... А в день надо принимать три-четыре дозы, минимальный же курс лечения составляет пять-семь дней. Так что один курс обходился в сорок пять рублей. Такие деньги на заводе только мастера получали. В месяц. На все про все. Но все равно о «панацелине» здесь, в Магнитогорске, знали. И пользовались. Даже рабочие. Ибо его испытания доктор Боткин проводил в городских больницах. И еще был слух, что Князь распорядился, когда будет создана заводская больничная касса, всем в ней участвующим положить лечение этим самым «панацелином». Ежели не хватит денег, то за его счет. Потому-то народ так в эту кассу потянулся. Хотя за участие в ней надобно было платить аж по пятьдесят копеек в месяц с человека. Зато в нее принимали не только работающих, но и членов их семей...

Задняя дверца второй машины медленно распахнулась и наружу сначала высунулась простая ореховая палка. Директор уже стоял рядом, аккуратно придерживая дверцу.

Афанасий, которому толпа заслонила обзор, вытянул шею, пытаясь в подробностях разглядеть момент появления Князя. Да и машины его очень интересовали. В Магнитогорске всем было известно, что хоть они и выглядят как легковые, на самом деле построены на базе грузовиков. Не потянули бы легковые столь тяжелые, блиндированные кузова, каждый из которых весил пудов по сто пятьдесят – двести. Ну, ежели со всей обивкой и обстановкой. Зато внутри можно было не бояться даже пулемета. Ну, ежели наклониться пониже. Стекла на блиндированном кузове были толстые, прочные – по слухам, одиночной пулей не пробить, но град пуль из пулемета они не держали.

– К-к-кня-а-азь! – восторженно прошелестело в толпе.

И великий князь Алексей Александрович, опираясь на палку, осторожно поднялся на трибуну, сопровождаемый фон Шнитке.

– День добрый, господа, – поздоровался Алексей Александрович и пожал каждому руку. Даже Афанасию, от чего тот впал в ступор. Нет, о том, что Князь в обращении прост и здоровается с рабочими, поговаривали давно. Но одно дело слух, а другое – самому поручаться. – Ну как тут у вас, всех ключами одарили? – поинтересовался Князь у директора.

– Да нет еще, – тут же отозвался тот, – только начали.

– Вот и хорошо. А я уж боялся, что опоздал. Пришлось на Каланчеевском полустанке задержаться. Из Санкт-Петербурга срочно затребовали – по телеграфу два часа общался. А кто у нас тут очередной счастливец? Вы? – обернулся Князь к Никандрову.

– Я, вашсочсво, – выговорил Афанасий мгновенно пересохшими губами.

Князь по-доброму усмехнулся:

– Не уходи далеко. У меня для тебя, мастер, подарок будет. Да и для остальных, – повысив голос, выкрикнул он в толпу, – кто ключи получать станет – тоже! Многим уже вручили?

– Пятерым, – доложил фон Шнитке.

– О! – обрадовался Князь. – Тогда лучше так – позови-ка их обратно.

Фон Шнитке согласно склонил голову и закричал в толпу:

– Грива Дормидонт! Чашкин Никодим! Базяев Ринат! Плосин Дементий! Окулин Исаак!

Но мужики уже сами проталкивались к трибуне. Получившие ключи далеко не расходились, ибо кое-кто еще с вечера договорился сразу после торжественного вручения ключей завернуть в трактир и слегка обмыть это дело. А остальные решили поддержать их план прямо сейчас. Разговор же на трибуне велся довольно громко, так что все его слышали.

Когда все шестеро получивших ключи счастливыхчиков выстроились перед трибуной, Князь окинул их шеренгу веселым взглядом, а потом чуть повел подбородком. К нему тотчас шагнул рослый молодой человек и, распахнув висевшую на плече большую кожаную сумку, вытащил оттуда несколько конвертов из плотной бумаги.

– Мастера, – снова возвысив голос, чтобы было слышно всей толпе, начал Князь, – вы все когда-то пришли сюда голые и босые. Крестьяне, которым не хватило в достатке земли и у которых не было уже сил горбатиться за гроши, городская беднота, что перебивалась с хлеба на воду, беженцы – все, кому не нашлось места в этой жизни. Поэтому вы решились изменить свою жизнь. И изменили. Но не так, как само случилось, не так, как «свезло». Нет! Жизнь дала вам шанс – и вы вцепились в него зубами и руками. И добились своего. Кровью, потом, стертymi от кайла и лопаты на стройке ладонями, согнутой спиной над станком, слезящимися глазами над книгой, стиснутыми зубами – как бы то ни было, вы победили! – Князь сделал паузу и окинул стоящий перед ним куцей строй людей, которые при его словах этак незаметно даже для себя развернули плечи и выпятили грудь.

Услышать такие слова в свой адрес да еще не от абы кого, а от самого Князя – это дорогого стоило. Но он еще не закончил.

– А сейчас, мастера, примите от меня благодарность. За мастерство ваше, за терпение, за верность России, за талант ваш, потому как без всего этого никаких наших заводов, которые ныне уже по всему свету известны, не было бы. – Тут Князь снова повернулся к толпе и объявил: – Каждой семье, которая будет вселяться в наш новый дом, на обустройство вручаю по сто рублей. А еще... – Он опять сделал паузу и, улыбувшись, внезапно спросил: – Сколько у тебя детей, мастер Дормидонт?

– Четверо, вашсочсво, – ответил слегка ошеломленный подарком Дормидонт Грива.

– А у тебя, Никодим?

– Семеро.

– О как! – еще шире заулыбался Князь. – Значит, денежку от батюшки получил?

– А то как же, вашсочсво, – гордо кивнул Никодим. – По тому году еще. А ноне женка опять на сносях.

– Ну так и от меня помощь будет, – решительно заявил Князь. – Сим днем объявляю, что отныне плата за комнату в казенных заводских домах за каждого ребенка до пятнадцати лет будет уменьшаться на двугривенный в месяц!

Народ возбужденно загудел. Семьи-то у всех были большие, редко в какой по трое детей – в основном больше. Так что платить за жилье на несколько рублей меньше – это было здорово. Да за какое жилье – почитай господское.

Программа строительства заводского жилья в Магнитогорске развернулась еще два года назад, в 1904-м. Еще до того как Князь-благодетель покончил со всеми своими дальневосточными делами и возвратился назад. Поначалу никто не понял, чего это собираются строить неподалеку от завода, в тех самых местах, где ранее никакого строительства не допускалось. Да не только строительства – и шалаши, и полужемлянки-временки ставить там тоже запрещали.

Единственное, в чем дали послабление, так это в проведении ярмарок. Но и за ними следили строго. Так, несколько местных киргизов, приехавших на ярмарку и решивших прямо тут, далеко не отходя, нарубить себе дров для костра, были тут же взяты к ногтю местным урядником и спроважены к судье, который мигом назначил им десять дней наказания в виде посадки новых деревьев. Ну деревья и кусты в городе сажали много где и обильно... Нет, можно было бы и штраф определить. Но чего возьмешь с киргизов? Да и не поймут они ни что это штраф, ни за что этот штраф. Решат, что просто деньги отобрали люди плохие, и всё...

Короче, никогда и ничего там не строили, а тут вдруг начали. Народ походил, посмотрел – всё одно дорога на завод шла мимо этих пустырей – и решил, что либо новое управление металлургического завода строят... (Эвон завод-то как разросся, а завод-управление всё в старом особняке уютится. Частные-то заводы давно себе экие хоромы отгрохали, а княжеские (так здесь и делили, мол, то – частное, а это – княжеское, хотя княжеские, по уму, тоже частными были – ну не казенные же), пусть и больше в разы, а всё не сподобятся.) Либо «фатеры» для иностранных мастеров и инженеров. Начальство-то заводское уже давно проживало в аккуратных коттеджах на взгорке неподалеку от реки. По самой реке строиться тоже запрещали – говорили, что позже вся река в городской черте оденется в каменные набережные, а вдоль них разобьют городские парки...

Нет, по большому счету мастера и инженеры без жилья уже давно не мыкались. Вне зависимости от национальности – как русские, так и иностранцы. Более того, среди тех, кто числился в иностранцах, настоящих иностранцев почитай уж и не было. Те, кто приехал ненадолго – на три-пять лет, – давно отбыли обратно. Те же, кто остался, отработывали третий пятилетний контракт (а многие уж четвертый) и считались почти своими, тем более что уже со второго контракта желающему продолжить работу на заводах Князя требовалось непременно знать русский язык. Обучали ему иностранцев бесплатно – нанимали учителей и предоставляли время для занятий. Кто хотел – выучил, а кто нет – уехал. Потому ныне на русском в Магнитогорске говорили все. Да и имена уже у всех обрусачились. Петер Александр давно уже именовался Петром Александровичем, Кнут стал Гнатом, Михель – Михаилом и так далее. Так что «иностранцами» их продолжали звать больше по привычке. И единственная существенная разница между русскими и иноземными мастерами и инженерами состояла только в том, что иностранцы пока зарабатывали больше русских. А куда было деваться? Иначе большинство среднего технического персонала просто собрало бы манатки и вернулось на историческую родину. (Вернее, уже не большинство, потому как доля таких бывших иностранцев на заводах Магнитогорска постоянно падала и ныне составляла дай бог треть, а то и четверть указанных категорий работников, поскольку численность персонала росла, а новые вакансии мастеров и инженеров занимали теперь не приглашенные иностранцы, а русские – выпускники местного университета, заводских школ и техникумов и выученики тех самых французских, бельгийских, немецких и шведских инженеров и мастеров.) Зато это были люди, знавшие производства от и до, лично налаживавшие когда-то все технологические процессы заводов и выучившие большинство тех, кто сейчас занял место рядом с ними. Поэтому, пока их русские коллеги не наберутся такого же опыта, не станут вровень с теми, кого по привычке все еще продолжали именовать «иностранцами», терять этих самых «иностранцев» было бы очень неразумно. Это понимали все. Князь же заявил, что не только не собирается урезать зарплаты «иностранцам», а, наоборот, будет изо всех сил стремиться, чтобы и русские получали никак не меньше их. Что постепенно и происходило. И если все будет идти так, как идет, без всяких катаклизмов, то году к 1916-му зарплаты сравняются...

Так вот, сначала судачили про заводуправление либо «фатеры» для мастеров и инженеров. Но уже через три месяца после начала строительства по заводам пошел слух, что это ставят жилье для мастеров нижнего звена и – страшно подумать! – даже для рабочих. Причем не просто бараки нового типа, а настоящие отдельные «фатеры». То есть не то чтобы каждому рабочему

планировалась отдельная «фатера» как старшему мастеру или инженеру, нет, дай бог сначала комнату получить. Но эта комната была не в бараке на сотню клетушек с туалетом на улице, свечным или в лучшем случае керосиновым освещением, печами в коридоре и общей кухней на два-три десятка семей, а в настоящей «фатере» на две-четыре комнаты, с теплым ватерклозетом, с ванной, с электрическим освещением, с водяным отоплением от котельной на каждые четыре рядом расположенных дома, с кухней, кладовками в подвале и так далее. Короче, мечта, а не жизнь. И самое главное – ходили слухи, что лет через десять, когда все рабочие окончательно переберутся из бараков и полуземлянок в эти благоустроенные комнаты, будет разрешено при заключении договора с заводом не менее чем на пятнадцать лет и с учетом беспорочной работы не менее пяти лет выкупить себе такую «фатеру» на одну семью. Мол, дома после завершения программы переселения будут строиться и далее, так что если кто решит зажить как баре – милости просим.

И вот теперь первые полторы с лишним тысячи семей заселялись в первом «дворе», который строители только что закончили. Это был комплекс из четырех пятиэтажных, пятиподъездных домов со своей котельной, с обширным двором, в настоящий момент все еще изрытым ямами, с несколькими деревьями, сохранность которых в процессе строительства была закреплена специальным пунктом в подряде со строительными артелями, и со странными огороженными площадками в центре двора, предназначения которых никто не представлял. Большинство счастливицов были мастерами, но и рабочих набралось почти четыреста семей. Лучших. Тех, кого выделили сами рабочие на общинных цеховых советах как самых уважаемых и профессиональных.

Когда закончилось вручение ключей, Князь вновь велел собрать всех новоселов перед трибуной.

– Значит, так, господа. Насколько я помню, по русскому обычаю принято, чтобы хозяева тем, кто им помог жильем обзавестись, стол накрывали. Или как?

– Верно!.. Точно так!.. А то как же!.. – загомонили счастливицы.

– Ну так и не будем от него отступать, – рубанул Князь рукой воздух. – Ну а чтобы вас в разор не вводить, я согласен войти с вами, мастера, в долю. Вместе угощать будем. Зато всех. На весь город столы накроем! – снова возвысил он голос. – Ну а поскольку у вас там пока негде сесть да отпраздновать, прошу неделю сроку, чтобы подготовиться к угощению...

Всю следующую неделю в первом городском «дворе» творилось что-то невероятное. Едва мужики по гудку отправлялись в сторону заводской проходной, как около двора появлялись возы с саженцами деревьев и кустарников (некоторые, особенно крупные, деревья привозили даже на новых грузовых автомобилях), возы с песком, возы с досками, возы со специально изготовленным «ручным камнем», коим мостили дорожки, предназначенные исключительно для того, чтобы по ним ходили пешком.

Народ слегка ошалел от такого. Это ж надо – улицы городские не везде замощены, а тут тропинки мостят, ну и блажь! И толпа рабочих в придачу ко всему... Так что каждый день, возвращаясь со смены, мужики удивленно качали головами. А как тут было не удивляться-то? Двор и прилегающее к домам пространство ежедневно претерпевали поразительные изменения. Вместо ям, куч, строительного мусора и прочего появлялись высаженные деревья, шпалеры кустарников, клумбы, беседки, красивые скамьи с чугунными ножками и боковинами, песочница и горка для маленьких детей, лестница-стенка со свисающими канатами, турник и длинные брусья для ребят постарше. Появилась и сетка, натянутая поперек площадки в самом ее центре, и два кольца на столбах, вкопанных между двух коротких сторон ограды.

А потом неделя закончилась и наступило время гулянья.

Гости пришли в полдень, дав хозяевам время вернуться домой и переодеться после заутрени. Впрочем, переоделись немногие – к заутрене все обычно наряжались празднично, а тут как-никак гости ожидаются, да еще какие! Так что многие в праздничном и остались. Когда подъехали грузовики, из которых начали выгружать сколоченные простые столы и скамьи, народ, конечно, кинулся помогать. Но не особенно рьяно – ненароком замараться и предстать перед Князем вахлаком-неряхой никто не желал.

Стол накрыли в три, так сказать, кольца. Первое кольцо внутри двора, второе снаружи, по периметру тех самых дорожек из «ручного камня», а третье еще дальше – шагах в пятидесяти от второго, так, что часть его даже заняла дорогу к проходной. Ну да до конца рабочей смены еще было далеко, да и сегодня, в воскресенье, она была короче обычной, ибо работали только производства непрерывного цикла. Между вторым и третьим кольцом споро собрали из деревянных щитов помосты, назначение которых стало понятно много позже, когда на них, после того как застолье подошло к своему пику, объявились

несколько школьных хоров, а также гармонисты, ложечники, балалаечники и иной музыкальный люд. Кроме того, все пространство разгородили веревками, натянутыми на специально приготовленных кольях. Народ сначала не понял, зачем это, а потом до кого-то дошло, что сие сделано, дабы избежать толчеи и давки, когда начнут рассаживаться.

Столы накрыли весьма споро и обильно, хотя без изысков. На столах стояли каши – гречневая и пшенная; много блинов – пшеничных, гречишных, пшенных; пироги обычные – с капустой, брюквой, тыквой, рыбой, мясом и печенью; расстегаи, квашеная капуста, моченые яблоки, лук, квас и водка в изобилии – аж по литровой бутылке на восьмерых мужиков. Бабы, да и некоторые непьющие мужики только неодобрительно головами качали, видя такое непотребство. Но большинство мужиков этот подход одобрили. Особо пьющих в Магнитогорске почитай и не было, но по такому поводу не выпить – грех.

Гости начали появляться постепенно. Первым, конечно, набежал простой люд, но до прибытия Князя садиться за столы никто не стал. Только ходили, ахали и цокали языком, разглядывая ухоженные клумбы, аккуратно высаженные деревья и красивые дорожки из «ручного камня». Народ сошелся во мнении, что свезло мужикам, как во дворце жить будут...

Впрочем, долго ходить и разглядывать не пришлось. Князь прибыл уже к половине первого часа пополудни. Для него самого и еще полутора сотен его личных гостей, а также для руководства завода, выборных от других заводов и предприятий города и трети проживающих в доме хозяев были приготовлены места за столами первого, внутреннего кольца. Еще по трети хозяев были, так сказать, делегированы во второе и третье кольцо. Про то, каково оно, жить «по-господски» (хотя пока и всего неделю), хотело услышать из первых уст множество народу.

Приезд Алексея Александровича стал спусковым крючком для начала. Едва только Князь со товарищи, выбравшись из машины и поздоровавшись с собравшимся людом, прошел внутрь двора, тут же всем предложили рассаживаться. Народ предложение принял и начал степенно занимать места за столами. Никто не торопился, поскольку люди были уверены, что стульев на всех хватит. Как и угощения. Ибо если за дело берется Князь – можно не сомневаться, что оно будет сделано в лучшем виде. Это уже не раз было проверено и подтверждено на практике...

После здравниц, произнесенных как самим Князем в адрес хозяев, так и самими хозяевами в адрес Князя и иных именитых гостей, разговоры за столами постепенно рассыпались по кружкам соседей.

– ...Очень правильно написали, – громко возглашал дородный мужчина с окладистой бородой, склоняясь к сидевшему рядом с ним Князю, – мы должны переменить облик наших городов, сделать их более русскими. Наши дети должны гордиться тем, что они живут именно в русских городах, их глаза должны с детства ласкать русские хоромы, терема, палаты, маковки храмов, высокие шатры сторожевых башен, но естественно, выполненные на новом инженерном уровне. И они должны быть не просто украшением, а нести важные общественные обязательства. Скажем, сторожевые башни могут служить пожарными каланчами, а палаты – школами, больницами, присутственными местами. Это не означает, что мы отвергаем другие стили, но все они должны стать в наших городах любимыми гостями, прекрасными жемчужинами, оттеняющими красоту и своеобычность русских городов. Русский же стиль должен стать визитной карточкой наших городов, объединить их все, как города европейские объединяет готика... Очень сильно сказано!

– А мне более нравится мысль о том, – вступил в разговор сосед Князя справа, – что надобно впустить лес в русские города. Мол, русские, а также мордва, финны, чуваша и иные народы, образовавшие нашу великую державу, испокон веку жили в лесу. И потому лес является нашей естественной средой обитания. Мы должны применить все возможности технического прогресса и все последние достижения прогресса архитектурного, дабы вернуть лес людям, даже если они проживают в больших городах...

– А кто такие, не знаешь? – тихо спросил Афанасий у сидевшего рядом с ним молодого человека, оказавшегося репортером какой-то петербургской газеты. Несмотря на свою «столичность», парень был вполне себе ничего, выпил с рабочими не чинясь и в разговоре держался вполне уважительно.

– Слева – Николай Александрович Бугров, нижегородский купец и промышленник, миллионщик, а справа – городской голова Нижнего Новгорода Александр Михайлович Меморский.

– О как! – Афанасий покачал головой. – А к нам-то оне как?

– Дык, его высочество что затеял? – охотно начал объяснять репортер. – Решил заново все русские города перестроить.

– Сам?! – ахнул прислушивавшийся к их разговору Афиноген Бокошко.

– Да нет, – репортер усмехнулся, – не в этом смысле. Просто он опубликовал в «Русском слове» обширную статью, в которой утверждает, что нам следует полностью изменить всю градостроительную политику в стране, что наши города должны приобрести русскую самобытность, что в городах должно быть больше скверов, парков и других зеленых насаждений, что они, вобрав в себя все последние достижения инженерии и архитектурной науки современности, должны обрести свое лицо и стать заметно отличимы от городов иных краев и стран. Ведь есть же такие выражения, как «типичный английский город» или там «типичный немецкий». И тем, кто побывал в таких городах, сразу становится ясно, о чем речь. А вот ежели сказать «типичный русский» – знающий человек чаще всего только губы кривить начнет. Потому как это означает непролазную грязь, лужи, разнорядной в архитектуре и неухоженность.

– Ты, это, портёр, того, говори, да не заговаривайся, – тут же набылчился Афиноген. – Где ты у нас это видел-то?

Но репортер в ответ на наезд только улыбнулся:

– Ну так потому-то великий князь сюда людей со всей России и привез – архитекторов, городских голов, гласных городских дум, крупных купцов, промышленников и финансистов, известных своей благотворительной деятельностью. Чтобы показать, как оно может быть. Ваш-то город изначально по строгому плану строился и спланирован он как раз в том виде, который его высочество ныне в своей статье иным городам придать предлагает. К тому же Магнитогорск не только строился, но и еще строится. Так что все можно посмотреть, так сказать, в процессе...

– Это да, – покивал сидевший рядом Василий, рабочий с паровозостроительного, носивший богатую фамилию Демидов. – Посмотреть тут у нас есть чего. Эвон парк какой отгрохали. И новый закладывают. Потому Князь велел делать так, чтобысь в городе парки и дома шли в ентом... как яго там?.. шахтном порядке. Ну, попеременно.

– В шахматном, – поправил репортер. – Игра такая есть, – пояснил он, – шахматы. Там игровая доска расчерчена на шестьдесят четыре квадрата – тридцать два черных и столько же белых. Попеременно. Вот Князь и предложил сделать из городов такую же доску, в которой черные квадраты будут домами, больницами, театрами, заводами, а белые – парками, озерами, прудами и так далее.

– Ну дык, за это и выпить не грех! – подытожил Василий.

После того как все накатили по маленькой, Афиноген пододвинул столичному гостю блюдо, принесенное из дома:

– Вот, угощайся, курочка копченая. Мой сват делает. У него подворье недалеко от города. Ох и аро-ма-атная... У нас все его куры едят да нахваливают.

– Куркуль он, – мрачно буркнул сидевший напротив незнакомый рабочий, похоже, относившийся к людям, которые после принятия «на грудь» вместо повышения настроения и некоторой расслабленности, наоборот, становятся угрюмыми и злыми.

– Эт как это – куркуль? Эт с чего это куркуль? – вскинулся Афиноген.

– А с того это, что всем известно, что твой сват тех курей, что в городе продает, не сам выращивает, а с других подворий скупает, а потом на своей коптильне коптит.

– И чегось?

– А тогось, что не своим торгует – значит, куркуль!

– Ах ты!.. – Афиноген запнулся от возмущения. – Да чтоб ты видел! Знаешь, как они всю семью от зари до зари пашут? А мозоли его видел? Вот – гвоздем не пробьешь! И врешь ты все, что он токмо чужим торгует! У них самих квочек под сотню будет.

– Угу, под сотню... то-то и оно: курей – сотня, гусей – сотня, коров – два десятка, лошадей – дюжина, а ноне еще и антанабилю грузовую прикупил. Как есть куркуль! Да и вообще, все они, эти хозяева подворий, как есть куркули! Тьфу! –

И угрюмый отвернулся.

– Дык... эта ж... эта ж... он жа ж своими руками! Оне жа ж от зари до зари! И сам, и сынки яго, и женка!.. – бросился в словесный бой за свата разгорячившийся Афиноген.

А репортер, с интересом прислушивавшийся к перепалке, наклонился к Афанасию и тихо спросил:

– Чего это они?

– А-а, – тот махнул рукой, – ты это, портёр, внимания не обращай. У нас частенько так лаются. Мы ж все почитай из крестьян, и когда сюда приехали, у всех выбор был – в работные люди податься или рискнуть на себя долговое ярмо надеть, но зато, коль получится, вековую крестьянскую мечту о богатом хозяйстве попытаться воплотить. Кое-кто рискнул и ныне эвон – хозяин подворья. А ентот, – Афанасий указал подбородком на угрюмого, лающего с Афиногеном, – видать спужалси и теперь себя все время поедом ест, глядячи, как другие его мечту в жизнь воплотили. Ну от того и злой.

Репортер задумчиво покачал головой и осторожно поинтересовался:

– А у тебя, Афанасий Аникеевич, такой мечты не было?

– Ну как не быть? – степенно сказал Афанасий. – Была. И тожа, бывалча, себя клял, что спужалси. Да только теперь у меня другие мечты.

– Какие?

– А в старшие мастера хочу выйти, – улыбнулся Афанасий. – А чего? Школу я заводскую через год закончу. Опыт опять же имеется, да и на заводе я, сам видишь, на хорошем счету. Так, глядишь, и выйду. А потом... – Он замолчал, задумчиво глядя куда-то вдаль.

– А потом что? – спросил репортер, устав ждать продолжения.

– Ась?

– Что потом-то, спрашиваю, Афанасий Аникеевич?

– А потом я себе такую же фатеру куплю, в какой сейчас живу. На одну свою семью. А что? Оне, говорят, в рассрочку продаваться будут. А ежели я старшим мастером стану – так мне на это дело вполне денег хватит. И это... сынов в заводской техникум отдам. А там, глядишь, кто и того, в инженера выйдет...

Репортер удивленно покачал головой. Надо же как человек себе перспективу рисует... И в этот момент со стороны столов, которые занимал Князь с гостями, послышались какой-то шум и возбужденные голоса. Причем самого Князя на месте уже не было, как, впрочем, и большинства его гостей.

– Чего это там? – удивленно произнес Афиноген, прервав перепалку с угрюмым.

– Княжьи охранники в игру новую играть будут, – пояснил пробежавший мимо мальчишка, – вали-бол называется.

– Чтось? – не понял Афиноген.

Но мальчика уже и след простыл. Зато мимо по направлению к спортивным площадкам валом повалил народ.

Все переглянулись и начали выбираться из-за стола.

На спортплощадке весело разминалась, перебрасывая мяч, дюжина молодых ребят, одетых в трикотажные рубашки с короткими рукавами и в трикотажные же штаны. Ноги были босые.

Опираясь на палку, к площадке вышел сам Князь. При виде его ребята тут же разделились на две команды и рассыпались по обеим сторонам площадки, разделенным сеткой. Князь протянул руку, ему в ладонь вложили свисток, он поднес его ко рту, окинул взглядом приготовившихся и резко дунул. Раздался звонкий свист, и вслед за этим один из парней, вышедший к самому краю, подбросил мяч и, высоко подпрыгнув, сильным ударом отправил его в полет над самой сеткой на другую половину площадки.

Игра шла упорно, игроки бросались к мячу и, чтобы отбить его, не брезговали шмякнуться на бок, спину или пузо, хотя наиболее внимательные заметили, что падали они не столько на пузо, сколько на выставленные перед собой руки. Зрители, ухватив суть, уже со второго удара начали горячо подбадривать выбранную команду, то крича, то свистя, то ругаясь. Князь судил.

Когда игра закончилась, он повернулся к собравшимся и предложил:

– А ну, хозяйева, кто не робкого десятка – выходи-ка, попробуй. Для вас же все это сделано. Вот и поучитесь, пока есть у кого. Ну, чтобы площадки эти впустую не простаивали.

Мужики переглянулись, а затем Афанасий жажнул с размаху кепкой о землю:

– А... где наша не пропадала! – после чего потянул с плеч праздничный пиджак.

Спустя десять минут на площадке переминались босыми ногами шестеро рабочих и мастеров из числа жильцов новых домов, которых распределили поровну по двум командам. А из-за ограды орала Парасья, жена одного из них:

– Ну только вылезли обратно, ирод! Одне штаны, люди, одне штаны! Только о прошлом месяце справили! Ну только попробуй порвать! Ну уж я тебя!..

К концу праздника, затянувшегося далеко за полночь, когда люди уже по большей части разошлись, Афанасий, поучаствовавший ажно в двух новых играх, именуемых очень похоже – вали-бол и баски-бол, – присел на лавке в тени большого куста сирени. Уж больно он намахался в эти игры. Непривычно было, вот и подустал. Как вдруг из-за куста послышался разговор.

– Так это вы, Алексей Александрович, считай крестьянскую общину здесь, в городе, восстанавливаете в виде этого школьного совета.

– Так мне, Николай Александрович, – прозвучал в ответ очень знакомый голос, – Иван Николаевич Миклашевский уже все уши прожужжал, настаивая, что ее непременно сохранить требуется. Вот и пытаюсь. Причем не только в виде школьного – у нас и в цехах общинные советы действуют, хотя там они занимаются теми функциями, которые на Западе относят к ведению тред-

юнионов. А школьные – да, скорее как раз общинные.

– А все ж почему совет непременно школьный? В том статуте, что я читал, от школы совсем немного. Более всякое обустройство, медицина опять же, ярмарки...

– Так и что ж? Эвон в Британии да в Португалии до сих пор низшим уровнем народного управления, перед которым такие же задачи стоят, являются приходы – и ничего, справляются. А тут – школьные советы будут. По-моему, так еще лучше выходит. У нас в стране-то народ разной веры живет, так что ж, наших же людей, российского императора подданных, но иноверцев, побоку, что ль? А вот в школе учиться будут все обязаны. И забота о школах в этих советах, даже из названия видно, на первом месте окажется. А нам это ой как надобно...

Голоса удалились, а Афанасий еще некоторое время сидел, переваривая услышанное. Община, значит... А что? Всем миром оно завсегда легче, как говорится – и дом строить, и батьку бить.

И Афанасий довольно улыбнулся. Не бойсь, Князь-надежа, не подведем!

Глава 2

– Нет, я не буду поддерживать эту программу.

– Но... как же?! – Яков Аполлонович Гильтебрандт, которого я не так давно провел на пост управляющего морским министерством, ошарашенно уставился на меня.

Англичане построили-таки свой «Дредноут», который, кстати, и в этой истории именовался точно так же, и с 7 сентября 1907 года все броненосцы мгновенно устарели. И русский флот, после битвы у Цусимы почитавшийся во всем мире как один из сильнейших, хотя по числу кораблей он уступал и английскому, и французскому, и американскому, а теперь уже и немецкому, мгновенно превратился во второразрядный.

Шок от появления «Дредноута» оказался настолько велик, что бразильцы и аргентинцы аннулировали заказ на два наших новейших броненосца, которые мы еще не успели достроить и передать им. А зря. Кораблики были вполне неплохи.

С хорошим ходом, с отличной броней, с турбинной силовой установкой и великолепными приборами управления огнем. А если брать техническую сторону, то именно две эти вещи – более современные силовые установки и приборы управления огнем – и позволили нашему флоту выиграть войну на море. Во всем остальном мы были с японцами на равных. Ну, почти. Все-таки у них были корабли новейшей английской постройки, а англичане – недурные корабелы... Так что латиноамериканцы явно сглупили. К тому же они заказывали кораблики для войны друг с другом, а не с кем-то еще, с той же Англией, например. Да и в английском флоте «Дредноут» пока был один, а флоты броненосцев устареют, только когда в мире появятся флоты дредноутов, как тут же стали именовать новый класс кораблей... Или все дело в желании любого адмирала иметь в своем распоряжении самую-самую большую и страшную «дубинку»? Не знаю. Но как бы там ни было, я такой вариант предвидел, и потому в контракты на постройку кораблей были заложены крупные штрафы за отказ. Именно поэтому все остальные, кто успел заказать у нас броненосцы, и не рискнули пойти на попятную – еще бы, спустить в трубу такие деньги!.. Впрочем, из латиноамериканских стран броненосцы у нас заказали только Чили и Перу, а они успели уже их получить. Для аргентинцев и бразильцев же мы еще строили и по два броненосных крейсера. Но от них они отказываться пока не собирались. И вообще, до отказа от броненосцев Бразилия и Аргентина являлись нашими самыми крупными заказчиками. Ну да аргентинские скотопромышленники здесь являлись полными аналогами нефтяных шейхов моего времени, так что Аргентина много чего могла себе позволить. А что касается Бразилии, то у них с Аргентиной взаимное недоверие существовало еще со времен аргентино-бразильской войны 1825 года. Так что и бразильцы влезли в это дело сразу вслед за аргентинцами и в том же объеме, что и они (ну не могла Бразилия позволить себе оказаться слабее Аргентины). И так же вслед за аргентинцами отказались от броненосцев. Судя по всему, с изрядным облегчением, ибо финансовое положение у Бразилии было куда сложнее, чем у Аргентины, и потеря части денег вследствие штрафных санкций все равно в конечном итоге была предпочтительнее чудовищной дыры в бюджете после полной оплаты стоимости броненосца, а потом еще и ежегодных затрат на его содержание и обслуживание.

В общем, русский флот получил в свой состав пару новейших броненосцев практически за половину цены. И пускай этот класс кораблей после появления «Дредноута» все уже считали устаревшим, но до появления дредноутных флотов по самым скромным прикидкам должно было пройти еще лет семь. К тому же готовить экипажи и тестировать турбинные установки на этих кораблях вполне возможно. Ну и при случае покинуться снарядами с какими-нито кораблями и поддержать десант, благо в качестве артиллерии среднего калибра на них уже стояли восьми-, а не шестидюймовые орудия. А на большее сейчас уже ни один броненосец в мире рассчитывать не мог.

Короче, после появления «Дредноута» перед всеми флотами мира встал вопрос, который в свое время России так громко задал господин Чернышевский: что делать? Нет, что именно следует делать, все понимали – строить дредноуты, причем побольше и побыстрее. Вот только дредноуты стоили существенно дороже броненосцев. И я думаю, что пройдет не так много времени, и их стоимость превысит стоимость самых дорогих броненосцев на порядки. А какая экономика это выдержит?

Впрочем, англичан это не остановило. Девиз первого лорда адмиралтейства Джона Арбетнота Фишера звучал так: «Строить первыми, строить быстро, строить новый лучше прежнего». Уже в декабре они заложили второй дредноут, а затем с двухмесячным интервалом еще один. Но это оказался предел. Уж не знаю, с какой интенсивностью англичане строили дредноуты в том варианте истории, который знал здесь только я, но в этом экономика Великобритании сумела потянуть только три дредноута за раз (несмотря на то что технически была способна строить гораздо больше). Да и эти строили как-то натужно, куда медленнее прототипа, хотя и на него потратили много времени – три года в отличие от одного в известной мне истории.

Ну да англичане до сих пор еще не очухались от последствий оказавшейся здесь для них крайне тяжелой Англо-бурской войны. Суммарные безвозвратные потери английских войск достигли триста двадцати тысяч человек. И хотя большинство из них не погибли на поле боя, а умерли от ран и болезней, это был сильный удар для Англии. К тому же не единственный. Потери для экономики также были достаточно велики. А вот с восполнением этих потерь, в отличие от прежнего варианта истории, в котором англичане немедленно по окончании войны получили в свое распоряжение золото и полностью сохранили уровень добычи алмазов, пока были проблемы. Нет, местами добычи они таки завладели, но вот с самой добычей золота и алмазов на юге Африки дело не заладилось – она так до

сих пор и не была восстановлена даже в сравнимых объемах, не говоря уже о тех, что существовали до войны. И не только из-за разрушенных шахт и иных производств. Основная беда заключалась в том, что после окончания Англо-бурской войны в Южной Африке просто-напросто стало мало людей. И буры, и английские поселенцы понесли огромные потери в молодых, сильных мужчинах, а оставленные без помощи и защиты женщины, дети и старики выжить самостоятельно никак не могли.

На конечном этапе войны, когда всем все сделалось ясно и генерал Китченер предстал перед миром во всей красе, буры раздали зулусам свои запасы наших старых винтовок Бердана № 2, еще под патроны с дымным порохом, и боеприпасы для них. (Это оружие буры закупили для войны с англичанами, но к ее началу они уже успели перевооружиться на «мосинки» под патрон с бездымным порохом, и берданки лежали у них мертвым грузом.) После чего Южная Африка превратилась в очень опасное местечко. Ибо негры занялись тем, чем они воодушевленно занимались и в покинутое мною время, то есть принялись резать всех вокруг. Сначала под раздачу попали белые, в основном как раз те женщины, дети и старики, оставшиеся в одиночестве на разбросанных фермах. Уж не знаю, насколько соответствовали действительности те леденящие кровь подробности из английских газет, все же таки зулусы – не маори и людоедство не практикуют, но то, что у чернокожих вождей внезапно оказалось множество белых жен, подтверждали и наши казачки, дислоцирующиеся в Катанге. Их это вооружение негров огнестрельным оружием тоже зацепило, хоть и, так сказать, рикошетом, но чувствительно. Нам даже пришлось на тридцать процентов увеличить охранный контингент и усилить его большим числом орудий и пулеметов. Те же белые семьи, кому удалось убежать и добраться до Дурбана, Ист-Лондона, Порт-Элизабет или Кейптауна, осаждали английские корабли, стремясь вырваться из «африканского ада» и уехать куда угодно – в Англию, Ирландию, Индию, Австралию, САСШ. А некоторые рванули к нам на Дальний Восток, поскольку на юге Африки ходили слухи о каких-то невыносимых условиях, которые русский великий князь и император обещал и-де переселенцам... Так что белое население английской Южной Африки сократилось раз в десять – двенадцать.

Ну а Трансвааль и Оранжевая республика оказались практически пустыми по другой причине. Буры, которых очень уж хорошо «замотивировал» генерал Китченер^[1] - Именно генерал Китченер был инициатором тактики «выжженной земли» и создания первых концентрационных лагерей, в которые помещали мирных жителей. Достаточно сказать, что в них погибло в три-четыре раза больше буров, чем в боевых действиях, и большинство из погибших составили

женщины и дети. Так что это был настоящий, стопроцентный геноцид. И вообще термин «концентрационные лагеря» или «концлагеря» вошел в обиход именно после его деятельности в Южной Африке, а вовсе не во время Второй мировой войны. Гитлер лишь оказался хорошим учеником, развив и углубив англосаксонскую идею. (Здесь и далее примеч. авт.)] и у которых в этом варианте реальности был выход, почти все ушли на новый Великий трек, на сей раз протянувшийся через моря и океаны, и сейчас уже обживались в Маньчжурии, осваивая не только новые земли, но и новые сельскохозяйственные культуры, а также русские печи, бани и... казачий воинский устав. Ознакомившись с предложенными им вариантами обустройства и все еще пребывая под впечатлением проигранной, несмотря на всю их доблесть, войны, буры решили, что лучшим вариантом для них будет образовать Маньчжурское казачье войско. И, устроив «фольксраад на фургонах», они составили прошение российскому императору о принятии их «в казачью службу». А куда деваться-то? Подавляющее большинство буров прибыли в Маньчжурию голыми и босыми – без скота, без птицы, без семенного зерна, без продовольствия, некоторые даже без утвари. Но почти все с оружием и с намертво отпечатавшейся в сердце решимостью никогда в жизни не выпускать его из рук... что становилось возможным только в случае принятия казачьего статуса. Да и ссуда на обустройство для казаков была самой значительной. Впрочем, деньги тут играли не главную роль. В распоряжении войскового атамана Маньчжурского казачьего войска Луиса Боты оказалась казна дядюшки Пауля, вывезенная из Трансвааля Питом Кронье. Так что деньги на обустройство у буров были. Впрочем, и от ссуд они тоже отказываться не стали.

Проблемы с правительством Цин удалось решить, объявив вновь образованное казачье войско охраной КВЖД, а также наняв маньчжур для охраны южной ветки КВЖД, ведущей от Харбина к Дальнему и Порт-Артуру, – ЮМЖД. Ну и крупной взяткой, конечно. Легкое трепыхание Цы Си затихло, особенно и не начавшись. Тем более что после подавления Боксерского восстания у императрицы в выступлении против России были хоть какие-то шансы только в случае поддержки ее требований хоть кем-то еще. А за нее никто не подписался – ни англичане, которым было достаточно, что мы не лезем в более богатый центральный и южный Китай, ограничив свои торговые операции южнее Маньчжурии окрестностями Пекина и открытыми портами. Кроме того, на первом этапе они были очень удовлетворены тем, что мы вывезли с присоединенных ими территорий Южной Африки буров, доставлявших им множество проблем своей непримиримой партизанской борьбой. Ни немцы, выступающие в Китае скорее нашими союзниками, ни французы, являющиеся

нашими союзниками официально, – никто из них императрицу не поддержал.

В итоге Южная Африка по уровню освоения европейцами оказалась отброшена назад лет на сто, а то и больше. И возможности англичан использовать ее природные богатства резко сократились. Нет, железные дороги до Кимберли и золотых копей Трансвааля вполне можно было восстановить, чем англичане сейчас активно и занимались, но затем их нужно было охранять, потому что негры, вооруженные копьями и луками, и те же негры, но уже с огнестрельным оружием – это далеко не одно и то же. Пустить поезда без охраны означало почти гарантированно потерять их. Даже после окончания Англо-бурской войны англичане вынуждены были еще довольно долго держать в Южной Африке почти сотысячный корпус. Снабжать, платить повышенное жалованье, пополнять и – что было едва ли не самым разорительным – обеспечивать продуктами, которые больше нельзя было закупать напрямую у местных фермеров (вследствие их почти полного отсутствия) и приходилось завозить. Не из Англии, конечно, или Австралии – поближе, из немецких и португальских колоний в Африке, но все равно завозить и доставлять по железной дороге войскам и рабочим.

Впрочем, в настоящее время англичане уже набрали несколько рот туземцев – можно было ожидать, что вскоре они снова затеют свою обычную игру, когда местные сражаются с местными, а сливки снимают белые джентльмены с туманного острова. Вот только охрану золотых приисков и алмазных копей Кимберли они местным вряд ли доверят. Да и кормить и обеспечивать рабочих, восстанавливающих разрушенное, и старателей, которые благодаря вербовщикам снова потянулись сюда со всех концов света (золото и алмазы в глазах многих обладают фантастической притягательностью), также стоило огромных денег. Тем более что с местными работниками у англичан начались большие проблемы. Все ближайшие к приискам племена были поголовно вооружены берданками и потому предпочитали грабить, а не копать и не заниматься сельским хозяйством, как их предки до прихода сюда белых. Так что нанять их на работу кем-то, кроме охранников, не представлялось возможным. Да и это было весьма чревато. Вкус к грабежу негры всегда имели, а за время войны и смуты после нее успели привыкнуть и к безнаказанности. Воровство охраняемых товаров самими чернокожими охранниками было делом не таким уж и редким. Попытки же привлечь чернокожих работников из более отдаленных мест натолкнулись на тот же местный «черный беспредел». Если по отношению к белым работникам вооруженные негры вели себя хотя бы с некоторой опаской, то со своим братом-чернокожим творили что хотели. Едва только чернокожие, отработав некоторое время, появлялись за пределами рабочего поселка,

местные «охранники» тут же брали их в оборот. Все заработанное мгновенно отбиралось, а если кто-то пытался возмущаться, его били смертным боем. Причем местные негры считали, что все вполне справедливо. В конце концов, они были на своей территории и потому могли поступать с наглыми «чужаками», рискнувшими заключить какие-то там договоры с белыми пришельцами через голову хозяев территории, как им заблагорассудится. Ибо не хрен...

Все это, естественно, привело к тому, что число местных чернокожих рабочих у британцев начало стремительно сокращаться. Компании, откупившие у английского правительства право на эксплуатацию алмазных и золотых приисков, несли гигантские убытки, но вынуждены были завозить для работы белых и платить им достаточно денег, либо, если они занимались старательством, установить за золото приличную оплату. Попытка же задрать цены на товары и продовольствие, чтобы хоть как-то окупить многократно выросшие расходы, привела к паре бунтов, которые, конечно, были подавлены войсками, но ясно показали англичанам, что уменьшить свои расходы им не удастся.

Те, кто, несмотря на все трудности, добрался до полуразрушенных золотых и алмазных приисков, приехали сюда в погоне за богатством и позволять ободрать себя как липку не собирались. И намерены были отстаивать свою позицию с оружием в руках. А если уничтожить этих, даже та весьма скудная добыча золота и алмазов, которую удалось развернуть к настоящему моменту, вообще может прекратиться. Что сделает бессмысленными все уже понесенные расходы.

Так что пока Южная Африка, несмотря даже на кое-какую добычу золота и алмазов, представляла собой «черную дыру», в которую уходило все больше и больше средств. Причем и для Великобритании как государства, и для английских инвесторов. А до кучи на все это наложилась еще и вялотекущая тяжба с американскими владельцами акций компании «Трансваальские золотые прииски». Вялотекущая, кстати, именно потому, что и американцы были в курсе всего творившегося на юге Африки и не горели желанием немедленно впрячься в этот воз проблем. Но я не сомневался, что, едва лишь англичанам удастся навести здесь относительный порядок, американцы тут же встрепенутся.

В том, что англичане порядок наведут, никто не сомневался. У джентльменов большой опыт в этом деле. Через какое-то время, лет через десять – пятнадцать, там всё, скорее всего, устаканится – и патроны к берданкам у «диких» негров

кончатся (хотя не факт, уже две португальские фирмы активно скупали у нас остатки патронов для берданок, как и сами берданки, кстати, и можно было не сомневаться, что все закупленное непременно и быстро окажется в Лоренсу-Маркише), и население восстановится в достаточной мере, чтобы обеспечить контроль над более или менее значимой территорией и содержание местных органов власти, а также снабжение и подпитку ресурсами рудников и необходимых для их функционирования производств. Но пока каждая тройская унция добытого в этих ставших совершенно дикими местах золота обходилась новым хозяевам Трансваальских приисков почти в четыре раза дороже, чем когда-то мне. То есть прииски еле-еле удерживались на грани рентабельности. Да еще с учетом того, что основное бремя обеспечения безопасности в этих местах несло на себе британское государство, держа здесь значительные армейские силы. А в связи с этим фактором работу Трансваальских золотых приисков вообще можно было признать убыточной.

В общем, экономика Англии сейчас явно находилась в перенапряжении. Вследствие чего, несмотря даже на закладку еще двух дредноутов, не так давно заявленный англичанами «двухдержавный стандарт» британского флота затрещал по всем швам. Потому что вослед англичанам устремились немцы, которые, согласно своей принятой несколько лет назад кораблестроительной программе, должны были построить аж тридцать восемь броненосцев. Так вот, после появления дредноутов немцы провели заседание рейхстага, приняли на нем уточнение – заменили слово «броненосец» в кораблестроительной программе словом «дредноут», после чего продолжили ее воплощение в жизнь со своей обычной педантичностью.

И всё. Как выяснилось, никто более в настоящий момент потянуть строительство дредноутов не мог – ни итальянцы, ни австрийцы, ни французы. Нет, они хотели. И даже планировали. Но вот начать никак не решались. И вот сегодня Яков Аполлонович, которого я после войны поставил управляющим морским министерством, приволок мне рожденную в недрах этого министерства программу, предусматривающую перевооружение русского императорского флота дредноутами. Ну не глупость ли?

Гильтебрандт несколько мгновений тупо пялился на меня, а затем осторожно переспросил:

– Ваше высочество, я не понял, мы что, не будем строить дредноуты?

Я качнул головой:

- Нет.

- Вообще?!!

Я задумался.

- Ну... проект-то разработать надо. Недорогой. И предложить всем желающим заказать подобный корабль у нас. Но для своего флота - нет.

Яков Аполлонович несколько мгновений сверлил меня взглядом, потом опустил плечи.

- Позволено ли мне будет узнать почему?

Я вздохнул:

- Ладно, Яков Аполлонович, объясню. Но вот только сдается мне, что не у вас одного возникнет желание узнать, чего это я не радею о мощи и славе флота российского. Так что давайте-ка после нашего разговора собирайте коллегия морского министерства. Ну, чтобы мне каждому адмиралу по отдельности все не объяснять...

Коллегия прошла ожидаемо бурно. Мой доклад был встречен очень неодобрительным гулом. Адмиралы, почувствовав во время отгремевшей войны вкус победы, требовали предоставить им возможность побороться за звание сильнейшего флота мира. Я же вещал, что флот не есть нечто отдельное и предназначен для решения сугубо практических задач в интересах содержащего его государства. И настаивал на том, что у России в ближайшее время никаких задач, непременно требующих наличия у страны мощного дредноутного флота, не предвидится. Наступательных задач на Балтике у нас нет, а оборонительные лучше решать не мощным дредноутным флотом, а сочетанием минной обороны, артиллерийских позиций и действием легких сил флота - миноносцев, а также подводных миноносцев (как пока еще именовались подводные лодки), лишь при некоторой поддержке крупных артиллерийских

кораблей, выступающих не как главные силы, а скорее как подвижный артиллерийский резерв. С задачей этой вполне справятся и уже имеющиеся у нас здесь силы. Наш Черноморский флот сейчас гораздо сильнее турецкого и будет оставаться таковым еще много лет. Выходы же из Босфора на случай появления в проливах кораблей других государств также разумнее перекрывать минными постановками и уже их прикрывать миноносцами, подводными лодками и артиллерийскими кораблями. Для чего нашего Черноморского флота опять же вполне хватит. На Дальнем Востоке у нас тоже нет причин немедленно заводить дредноуты. А вот легкие силы флота развивать требуется. Этим и будем заниматься...

Но все равно члены коллегии скрепя сердце согласились с моей точкой зрения только после того, как я с цифрами в руках показал, что, если будет принята предложенная программа и развернется строительство дредноутов, мы не сможем выстроить новую базу флота в Мозампо, который отошел нам в аренду на девяносто девять лет (Порт-Артур уже сейчас был маловат и располагался слишком далеко от потенциального ТВД), необходимо будет забыть о программах совершенствования кораблей других типов и об интенсивной боевой подготовке. И вообще о содержании флотов. Чего уж тут говорить, если вся пятилетняя программа строительства новой главной базы Тихоокеанского флота в Мозампо должна была обойтись нам в стоимость всего пары дредноутов. А тут предлагалось построить двенадцать дредноутов, по серии из четырех кораблей для каждого из флотов – Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского. Причем это явно было только началом...

Признаться, я был не совсем честен. Деньги найти труда не составляло. В конце концов, по моим расчетам, наша экономика по суммарным объемам сейчас выходила (если уже не вышла) на третье место в мире, наступая на пятки Германии. То есть деньги в бюджете были. Но во-первых, стране требовались средства для освоения перешедших под ее полный контроль территорий, поэтому Витте настаивал на продолжительном периоде «неувеличения» военного бюджета, а то и на резком его сокращении, и я склонялся к тому, чтобы поддержать его. В моратории на увеличение, конечно, а не в сокращении. Иначе можно до такого досокращаться... В конце концов, сейчас наш флот уже был никак не слабее, чем тот, с которым страна в той истории, что здесь знал только я, подошла к Первой мировой войне. Поскольку здесь мы не потеряли корабли Первой и Второй тихоокеанских эскадр и обустроенную военно-морскую базу в Порт-Артуре. А ведь и в той истории флот вполне удерживал позиции. Ну, пока не начались революционные брожения...

Короче, даже с учетом того, что эти корабли к началу Первой мировой войны значительно устареют, я полагал, что три-пять лет до начала программы обновления флота у нас есть. А в этот период деньги, которые иначе пошли бы на кораблестроительные программы, надо потратить на создание «кубиков», из которых потом можно довольно быстро «собрать» необходимые нам корабли.

Что это были за «кубики»?

Во-первых, я собирался разработать и полностью отработать новое вооружение. Сейчас на флоте безраздельно царствовали одно- и двухорудийные башни. Между тем, насколько я помнил, типичной башней крейсеров и линкоров более позднего времени была трехорудийная. Правда, мои воспоминания касались скорее сведений о временах Второй мировой войны и более поздних, ну, когда американцы модернизировали три своих старых линкора типа «Айова», установив на них «Томагавки», «Гарпуны», зенитные комплексы и электронику и снова введя в состав флота. Я тогда еще служил, и замполиты вовсю разорялись – мол, агрессивные устремления, угроза миру во всем мире... И фотографий американских монстров публиковалось достаточно. Поэтому кое-что в памяти отложилось. Да и потом фотки линкоров на просторах Интернета встречались частенько, хотя бы в качестве фона открыток ко всяким мужским праздникам. Кроме того, когда я уже много позже попал в Англию, там неподалеку от Тауэрского моста увидел корабль-музей, английский крейсер «Белфаст», у которого главный калибр также располагался в трехорудийных башнях. Вот и появилась мысль сначала отработать конструкцию трехорудийной башни, а уж потом заморачиваться кораблями. Тем более что проблема модернизации береговых укреплений сейчас стояла перед нами намного острее, чем перевооружение флота.

Большинство береговых батарей были вооружены жутко устаревшими системами, часто даже под дымный порох. Причем практически все батареи располагались на открытых позициях, то есть защищенных в лучшем случае валами земли или кирпичными брустверами. Те же, что размещались в казематах старых фортов, находились едва ли не в худшем положении, поскольку устаревшие казематы не обеспечивали никакой защиты от современных снарядов крупного калибра. Скорее наоборот – щебень, в который превращались кирпичи старых казематов при попадании в них современных снарядов, становился еще одним поражающим фактором, выкашивающим расчеты орудий береговых батарей похлеще любой шрапнели. В то же время, насколько я помнил, даже во Второй мировой войне батареи, представлявшие

собой башенные установки на вкопанном в землю бетонном каземате, вполне успешно сопротивлялись даже сухопутным атакам. Тридцатую батарею Севастополя немцы не могли захватить, пока у нее не закончились снаряды, несмотря на массированные атаки пехотой и танками с минометной и артиллерийской поддержкой. Даже подтянутые немцами «Дора» и «Густав» не помогли – уж больно малоразмерная цель оказалась для этих монстров, так и не попали. А мощно бронированным башням было наплевать даже на близкие разрывы. Нам в училище про Тридцатую батарею много рассказывали. Ну как же – герои-артиллеристы и все такое...

Но делать просто трехорудийную башню с максимальным из имеющихся сейчас на вооружении нашего флота двенадцатидюймовым калибром я тоже не хотел. Вроде бы у тех же американских линкоров калибр был где-то четыреста шесть миллиметров. Точно я не помнил, но все калибры морских орудий, как правило, кратны английскому дюйму. А четыреста шесть миллиметров – это примерно шестнадцать дюймов. Так что, скорее всего, я угадал. А японский линкор «Ямато» имел и еще более впечатляющий калибр. Поэтому я сделал вывод, что тех трехсот пяти миллиметров, которыми был вооружен «Дредноут», скоро будет не хватать. И выдал своему заводу задание разработать трехорудийную башенную установку максимально возможного калибра, при котором обеспечивалась бы боевая скорострельность не менее двух выстрелов в минуту, дальность стрельбы не менее двадцати миль и живучесть ствола не менее трехсот выстрелов полным зарядом. Ну и остальные «вкусняшки» типа лейнированного ствола, который мы в максимальной секретности разрабатывали уже полгода, также должны были присутствовать... Вот только я сильно сомневался, что более или менее приемлемый вариант подобной артустановки появится раньше, чем через год-два.

Во-вторых, нужно было окончательно отработать турбинные двигательные установки. Они пока еще были довольно сырыми, крупноразмерными и, на мой взгляд, маломощными. Между тем для их отработки вовсе не требовались боевые корабли – это можно было сделать, скажем, на судах, предназначенных для Северного морского пути, который потихоньку начал раскручиваться. Во всяком случае азиатский трафик Германии уже минимум на десятую часть был переведен на Севморпуть. Схожие цифры демонстрировал азиатский трафик Голландии, Бельгии, Дании и Швеции. Англия тоже проявляла некоторый интерес, но пока через Северный морской путь шли только отдельные английские корабли. Проблема была в недостатке ледоколов и в том, что один имеющийся у нас ледокол был способен провести за собой только три-четыре обычных судна. Но Макаров, назначенный начальником Северного морского

пути, активно взялся за дело, и на верфях по мере освобождения их от строительства боевых кораблей были заложены три новых ледокола, более крупных и мощных, а также первая серия транспортных судов так называемого «усиленного ледового класса», позволявшая увеличить количество судов, следующих за одним ледоколом, до пяти-шести, в зависимости от ледовой обстановки. Автором названия серии, если честно, был я. Просто оговорился во время заседания Попечительского совета Северного морского пути (в который был кооптирован едва ли не первым по настойчивой просьбе Степана Осиповича), озвучив привычное в мое время словосочетание.

В-третьих, насколько я помнил, неизменным оснащением линкоров были самолеты-разведчики и корректировщики. Ибо стрельба уже велась на таких дистанциях, на которых даже самые совершенные дальнометы становятся не слишком надежны[2 - На самом деле корректировка корабельного артиллерийского огня с самолетов применяется довольно редко и в основном при ведении огня кораблями по наземным целям. Но главный герой не моряк и не мог этого знать.] – просто вследствие недостаточной прозрачности атмосферы, заметного на такой дальности искривления земной поверхности и всяких физических эффектов типа дифракции. В свое время эту проблему решили с помощью радиолокации, но как подступиться к ней сегодня, при нынешнем уровне развития техники, я не представлял. Потому предпочел ограничиться самолетами-корректировщиками, которые еще надо было создать. Но и эту проблему, то есть разработку надежного гидросамолета, запускаемого с катапульты, и методики обучения летчиков для него, вполне себе можно было решить без строительства дредноутов – хотя бы использованием самолетов в качестве ледовых разведчиков на ледоколах.

Также было множество разных в-четвертых, в-пятых, в-шестых, но для меня еще одним важным пунктом являлось вот что: сосредоточение на программе строительства дредноутов приведет к тому, что из поля зрения моих адмиралов почти наверняка выпадут такие важные моменты, как совершенствование подводных лодок и легких сил флота. Как выразился кто-то из английских адмиралов: «Большие корабли имеют свойство заслонять горизонт». А мне надо было не только как можно дальше продвинуться в этом направлении (уж на что могут быть способны подводные лодки и, скажем, торпедные катера, в мое время было известно даже таким далеким от флота людям, как я), но и чтобы руководящий состав флота тоже представлял себе их возможности и смог умело оперировать ими в будущей войне.

А на следующее утро я имел беседу с Витте. Он уже был в курсе моей речи на заседании коллегии, поэтому принял меня настороженно. С одной стороны, я вроде как выступил на его стороне, а с другой – он прекрасно понимал, что ничто в этом мире не достается просто так, и теперь ломал голову, чего же я запрошу за свою поддержку его требований и не окажется ли это «чего» куда более неприятным, чем было бы простое увеличение бюджета флота...

С момента окончания Русско-японской войны наши отношения окончательно перешли в состояние «на ножах», но «в клинч» мы с Витте вошли только один раз – перед началом мирных переговоров с японцами. С того момента наше противостояние напоминало «мирное сосуществование» времен Брежнева, хотя никто не обольщался, что оно затянется так уж надолго. Рано или поздно кто-то кого-то сожрет. Поскольку моя популярность в народе после Русско-японской войны и последовавшей вскоре трагедии с Эшли, которая разрешилась таким романтически-кроважидным способом, на что очень падка публика, резко скакнула вверх, – чем дальше, тем больше все шло к тому, что проигравшим буду я. Ибо теперь достаточно было «кому-то» (а мы его знаем) пустить в народ мысль: «А вот бы нам такого царя...» – и всё, я спекся. При всем нашем согласии племянник хрен потерпит рядом с собой конкурента. А мне вылетать из власти сейчас было никак нельзя. Мне страну надобно к мировой войне подготовить...

Вот черт, знал бы, что все так обернется, – постарался бы убраться с Дальнего Востока до начала Русско-японской. И без меня бы выиграли. Может, с чуть большими потерями, вследствие того что Куропаткину удалось бы реализовать свою страсть к отступлению, с перестановками в командовании, но точно выиграли бы. И флот у нас был заметно сильнее, причем не по суммарному водоизмещению или количеству и калибру стволов, а в первую очередь по уровню подготовки командного состава и экипажей. И транспортная доступность Дальнего Востока даже на начальном этапе войны была как минимум в два раза лучше, чем в другой истории. И переброску войск успели отработать заранее, еще во время Маньчжурского замирения. Ну и еще кое-какие «лучше» имелись. Например, более крупный калибр полевой пушки и наличие в ее боезапасе фугасного снаряда, который разносил «на раз» китайские глинобитные фанзы, в той Русско-японской широко использовавшиеся обеими сторонами в качестве укрытий от артиллерийского огня из-за недостаточной мощности единственного имевшегося на вооружении полевой артиллерии обеих армий шрапнельного снаряда. Или почти на порядок большая насыщенность полевых войск пулеметами. Да и с революционным движением справились бы. Были подходы, были, и без покушения на меня имелись возможности взять «к ногтю» наиболее одиозные структуры... Так что выиграли

бы – никуда не делись. А у меня бы сейчас таких проблем не было.

Но все прошло так, как прошло. И теперь мне требовалось не просто удержаться на своих многочисленных постах, но еще и резко повысить свое влияние на армию. Чего без поддержки Витте я добиться определенно не смог бы. И вот я отправился к нему за поддержкой.

Разговор с Витте (который не так давно стал председателем Совета министров, предварительно добившись резкого расширения полномочий этого поста, до того момента являвшегося более номинальным, чем реальным) сложился непросто. Он довольно долго прощупывал меня – все никак не мог понять, чего это я так подставляюсь. Ну еще бы, желание противника сосредоточить в своих руках одновременно и армию, и флот – да что может быть лучше?! Но когда я объявил, что готов поддержать его в введении трехлетнего моратория на увеличение военных расходов, более того – на посту военного министра собираюсь не менее чем в полтора раза уменьшить численность армии, что вернет в хозяйство страны около полумиллиона рабочих рук... он охренел.

Потом была длинная беседа, в процессе которой Сергей Юльевич выторговал у меня обещание поделиться дальневосточными активами и еще кое-какие преференции, но мы договорились. И на следующий день вдвоем прибыли к государю с предложением провести перестановку в военном министерстве и возложить на меня обязанности военного министра.

Николая, для которого мои отношения с Витте не были секретом, крайне удивило подобное наше единодушие. Однако противиться он не стал. Поэтому уже спустя два дня был подготовлен указ о возложении обязанностей военного министра на генерал-адмирала российского флота великого князя Алексея Александровича Романова.

Вечером у меня собрался «узкий круг», куда теперь, к сожалению, входили только двое – Кац и Канареев. Курилицин окончательно отошел от дел – понял, что больше портит, чем помогает, и попросил у меня отставки. Сейчас он доживал свои дни в небольшом одноэтажном финском домике в пригороде Або. Именно доживал, медленно угасая.

Я пару раз заезжал к нему, и с каждым разом он выглядел все хуже. В последнее посещение встретил меня в инвалидном кресле – ноги начали отекать и отниматься.

После довольно скромного ужина я объявил, что мы в течение года распродаем все имеющиеся у нас дальневосточные активы, причем пакетно, то есть скорее всего с некоторым дисконтом.

– И зачем тебе это надо? – уныло поинтересовался Кац.

Канареев молчал, бросая на меня испытующие взгляды.

– Надо, – коротко ответил я.

Кац покачал головой.

– Извини, Алексей, – начал он спустя некоторое время, – но... тебе не кажется, что некоторые твои решения в последнее время как-то... – Он замялся.

Я вздохнул. Ну прав был Яков, прав. Как-то все так совпало, потому что в последнее время у меня было несколько решений, которые одновременно вынули из моего/нашего кармана довольно большие деньги. Часть напрямую, а часть в виде кредитов родному государству, на отдачу которых я не слишком-то и рассчитывал. Но куда было деваться? Я же не сам устроил землетрясение в Сан-Франциско? А поддержать романтическое реноме в САСШ стоило, учитывая, что они к настоящему моменту уже стали самой сильной экономикой мира. Причем реноме как собственное, так и страны. В итоге пять миллионов рублей, отправленные в фонд помощи жертвам землетрясения и на восстановление города, вполне себе окупилась бурной газетной кампанией по всем штатам, после которой отношение американцев ко мне лично и к России в целом еще больше улучшилось. (Ну а как еще будешь относиться к стране, где живут такие романтические и щедрые великие князья?) Особенно на фоне того, что сами жители Сан-Франциско во время и сразу после землетрясения лично поджигали собственные дома, потому как эти дома были застрахованы от пожаров, но не от землетрясений[3 - Достоверный факт. Кстати, наибольшие потери в тот момент Сан-Франциско понес отнюдь не от самого землетрясения, а именно от пожаров.].

Или та же покупка у только-только отделившейся от шведов Норвегии[4 - Норвегия потеряла независимость в 1397 г., после чего последовательно являлась провинцией сначала Дании, а с 1814 г. - Швеции. Вновь независимым государством она стала в 1905 г.] провинции Финнмарк. Да, скалы, да, бесплодные, но в районе Киркенеса расположены богатейшие залежи железной руды с большим содержанием никеля и других полиметаллов. Это сейчас они почти не используются, а вот в моем будущем... Да что там в моем - броня немецких «тигров» и «пантер» была изготовлена из руды, привезенной из Киркенеса. Ну и заполучить себе еще несколько крупных незамерзающих из-за близости Гольфстрима бухт также было для нас очень заманчиво. Да и права России на Шпицберген, то есть древний поморский Грумант, после такого передвижения границ будут куда очевиднее. Впрочем, они и сейчас никем особенно не оспариваются и не оспаривались бы и далее, если бы Россия не рухнула в революцию, после чего норвежцы Грумант под себя и подгрести... Так что, если всё подсчитать, вообще за копейки купили! Хотя Витте так не считал. И не дай я под это дело кредита, причем беспроцентного - хрен бы он на эту покупку согласился. Мол, тебе нужно - ты и деньги ищи или на себя покупай. Да я б купил, вопросов нет, но мне нужно было, чтобы эту территорию приобрела именно Россия. Пришлось пойти на беспроцентный заем казне на воистину драконовских условиях - на сорок лет, с отсрочкой начала выплат на десять лет. Зато все остались довольны - и Витте, и Николай и... норвежцы. Ну еще бы! Получить за бесплодные и почти безлюдные земли сумму, равную нескольким годовым бюджетам, да вкуче с благодарностью местных жителей - чем плохотто? У них, чай, демократия, так что эта благодарность стоящей у власти партии явно должна принести еще и дополнительные голоса. К тому же у самих политиков в карманах после этой сделки тоже завелись неплохие денежки. А куда было деваться - говорю же, демократия, хоть и с королем наверху. Впрочем, с королем дело решили. Родственные связи помогли. Король Хокон VII приходился кузеном сразу и Николаю II, и его жене Генриетте, а моя невестка, вдова Александра III и мать Николая II, вообще была его родной тетей. Ну да он был родом из датских Глюксбургов, а с датским королевским домом у нас всегда были великолепные отношения. Так что Хокон VII не стал вставлять нам палки в колеса и одобрил решение парламента. Хотя и побурчал немного. Но если бы не родственные связи - даже не знаю, чем бы все это закончилось. Монархия с точки зрения не совсем честного или совсем нечестного бизнеса - очень неудобное дело. Членов парламента-то можно купить, как и судей, прокуроров, начальников всяких там правоохранительных и контролирующих органов и так далее. Не всех, вероятно, но часть, достаточную для того, чтобы повернуть почти любую авантюру. А вот прикиньте, чем и как можно купить короля? Ну что ему предложить-то?

Благодарность же местных должна была стать весьма весомой, поскольку я принял на себя обязательство субсидировать каждого подданного свеженькой норвежской короны, не пожелавшего перейти в русское подданство и переселяющегося в любую иную норвежскую провинцию, на сумму в тысячу рублей – что может быть лучше? Впрочем, подданных-то тех на всю провинцию было дай Бог тысяч двенадцать. Это для Норвегии, с ее чуть более чем двухмиллионным населением, – заметная цифра, а для нас... Причем субсидии выплачивались не поголовно, а на семью, так что расходы на эту статью были не так уж велики по сравнению с общими.

– То есть ты считаешь, что с Дальнего Востока нам сейчас уходить никак нельзя?

– А ты что, считаешь как-то по-другому? – сердито мотнул головой Кац. – Тогда прости, значит, я чего-то не вижу или не знаю. Потому что если опираться на то, что я вижу, то, продав активы сейчас, мы едва окупим затраты. А через пять лет стоимость наших дальневосточных активов совершенно точно возрастет не менее чем в пять раз. А то и в десять. При крайне небольших последующих вложениях, заметь. Потому что основные мы уже сделали.

Я задумался. У меня было что ответить, но вот как это «что» изложить, я пока не знал. Ибо все это мне следовало объяснить так, чтобы их уже привычная сдержанность и на сей раз удержала бы их от неприятных для меня вопросов. В конце концов, я уже привык к тому, что они не задают мне самых неудобных вопросов, и был бы рад, если бы подобное положение сохранялось и впредь. А то муторно как-то все объяснять... Да и на основании чего, по сути? Послезнания?.. Ну, в какой-то мере. Но мое послезнание сейчас уже ничего не могло сказать о том, что ждет нас в будущем. Я вон ни с Англо-бурской, ни с Русско-японской войнами ни разу не угадал. Все, что мне осталось, – это кое-какие тенденции в технике и предпринимательские схемы. Ну и скудные остатки тех сведений, что вдалбливали нам в военном училище. А также уверенность в том, что на нас всех неудержимым катком накатывает мировая война, воспрепятствовать которой не представляется возможным. И я сейчас никак не могу даже приблизительно предсказать дату ее начала. Ну не из-за убийства же эрцгерцога Фердинанда она началась в самом деле? Это был только повод к ней. Причины же были куда более глубокими. И они уже по большей части имелись...

Впрочем, может, свернуть на другую тему?

Я вздохнул:

- Как ты думаешь, Яков, сколько денег нужно человеку?

Кац хмыкнул:

- Ну ты и спросил! Мои родственники сказали бы, что денег много не бывает.

- Для чего?

- То есть? - не понял он.

- Денег много не бывает для чего? - терпеливо повторил я.

Кац удивленно воззрился на меня, потом пожевал губами и осторожно ответил:

- Для дела.

Я ткнул пальцем в его сторону:

- Во-от! Видишь, ты и сам согласен, что деньги - просто инструмент. А что у нас за дело?

Кац вскинул руки:

- Всё-всё-всё, здаюсь, не надо больше произносить речи, подобные той, что ты обрушил на меня, когда мы в девяносто втором запустили программу переселения!

- А нечего было тогда на меня орать, что мы спустили в трубу сотни миллионов рублей, - огрызнулся я.

- А что, не спустили, скажешь?! - взвился Кац.

- А что, в трубу?! - рявкнул я.

– Господа! – По голосу Канареева было ясно, что он едва удерживается от смеха. – Я думаю, нам стоит успокоиться. И вообще, Яков Соломонович, мне кажется, что вы как-то... недостаточно почтительны с его высочеством.

– Все они такие, – ухмыльнулся я, – мультимиллионщики проклятые.

– Ой-ой-ой, – тоже лыбясь во весь рот, вернул мяч на мое поле Кац, – ну куда нам до вас, миллиардщиков?

И тут уже все не выдержали и расхохотались. На том опасный для меня момент и миновал.

Проводив друзей, я некоторое время сидел у камина и думал о том, что уже успел сделать в этом времени. Не так уж и мало, если разобраться. Одно только то, что официальная статистика выдала за прошлый год цифру в четыреста девяносто грамотных на тысячу населения, уже оправдывало мое пребывание здесь. Причем по русскому населению (вернее, по тем, кто считал русский язык родным и предпочитал общаться именно на нем, вне зависимости от формальной принадлежности к какой-либо национальности) этот показатель был еще выше. Общеимперские цифры тянули вниз Средняя Азия и Кавказ. Ранее к ним еще присоединялась Сибирь, в которую, вследствие малочисленности населения, автоматом включался и Дальний Восток, но за последние два года структура населения и там, и там из-за прибытия значительного числа переселенцев существенно изменилась. Чему, кстати, очень поспособствовали засуха и голод нынешнего года, охватившие Поволжье и южные губернии. Переселенцы, уже «распробовавшие» школы дома, добравшись до места, довольно быстро начали заваливать Столыпина прошениями об открытии оных. И Петр Аркадьевич активно способствовал этому. Поэтому цифры по Сибири и включенному в нее Дальнему Востоку сейчас, благодаря неустанной деятельности Столыпина, почти сравнялись с общеимперскими. Хотя от центральных губерний пока еще отставали.

Петр Аркадьевич оказался очень интересным человеком. С системным мышлением, охватывающим не только задачи, стоящие непосредственно перед ним, но и многие смежные области – как раз в интересах решения этих самых задач. Я, например, с удивлением узнал, что тот самый знаменитый «столыпинский вагон» возник вовсе не как «вагонзак». Нет, это был

переселенческий вагон, и отсеки внутри него предназначались не для содержания заключенных, а для живности и инвентаря. Малые отсеки – для свиней, кур, уток, гусей, большие – для крупного рогатого скота и лошадей. И лишь после того как переселенческая программа была свернута, ставшие никому не нужными «столыпинские вагоны» начали использовать для перевозки заключенных. Ну ведь надо было куда-то девать эти вагоны? А уж потом, после доработки под новые задачи, их конструкция стала стандартной.

Поскольку в настоящий момент Столыпин не был премьер-министром, мне пришлось приложить немало усилий, чтобы развернуть производство таких специализированных вагонов. Вернее, разворачивание производства оказалось самой простой из задач. Куда труднее было добиться их закупки государственными железными дорогами. Витте ни в какую не хотел финансировать «эту глупость», настаивая на том, что вполне достаточно обычных товарных вагонов.

И вообще Витте смотрел на жизнь как-то для меня непонятно. Сквозь призму золота, что ли... Сергей Юльевич несомненно был одним из самых талантливых финансистов. Но на том уровне, на котором он сейчас находился, должно уже было появиться понимание, что не на всем можно зарабатывать, в конце концов. Я же тоже финансист ничего себе так. Это адмирал я никакой, полководец слабый, ну и ученый весьма посредственный (хотя во всех этих областях мне уже пришлось некоторым образом «наследить»), а вот деньги зарабатывать умею очень даже неплохо. Ни с одним проектом, ни там, в покинутом мною будущем, ни здесь, не провалился – все не просто принесло прибыль, но и состоялось в качестве реального производства или долговременного финансового института. Во всяком случае, в России... Прибыль-то можно некоторыми «рыночными» методами накрутить так, что дай бог. Вон в моем времени ходила байка про некоего американского инвестора, который купил кусок бесплодной пустыни, поставил там несколько скупленных по дешевке разукомплектованных ржавых буровых, а потом в отчете этой организованной им акционерной компании указал два миллиона прибыли за год, просто вложив собственные деньги. Естественно, народ сделал стойку. (Ну как же – свежееобразованная акционерная компания сразу выдала такую прибыль! Что же дальше будет? Да там, наверное, нефть можно ведрами черпать!) После чего американец распродавал свои акции более чем за десять миллионов долларов, упятерив вложенный капитал... Но в своей стране я никогда ничего такого себе не позволял. А вот Сергей Юльевич как будто не в этой стране живет. Одни его «пьяные деньги» чего стоят...

Спать я лег поздно, так до конца и не разложив всё по полочкам. Нет, даже если я помру прямо сейчас, в этой постели, будущее России уже изменилось к лучшему. Намного или не очень – пока не понятно, но изменилось точно. А вот достаточно ли этих изменений, чтобы отвлечь от моей страны тот сонм бед, который должен обрушиться на нее в наступившем веке? Ой не знаю...

Глава 3

– И сим объявляю, что все выкупные платежи⁵ – В реальной истории выкупные платежи были отменены в 1906 г. в процессе революции 1905–1907 гг. и под ее давлением. Здесь же революционных выступлений сравнимого масштаба не было, поэтому их отмена, что есть дело однозначно полезное, произошла несколько позже и другим путем.] за землю полностью отменяются! Также аннулируются и все недоимки, накопленные к моменту опубликования моего указа...

Я стоял в первом ряду, в придворном мундире и с благолепной миной слушал племянника, который только что закончил чтение своего указа. Выкупные платежи были наконец отменены. И что самое интересное, я этому не воспротивился. Да еще и помог! А все из-за Миклашевского и Овсинского. (Тот еще дуэт получился, похлеще Тимирязева с Боткиным, которые уже давно спелись и выступали передо мной единым фронтом...) И вот эти господа умудрились сделать на моих землях – никогда не поверите – колхоз!

Все началось с сорока тысяч десятин в Тамбовской области. Я сразу решил дать Миклашевскому и Овсинскому большую площадку для экспериментов. Пусть пробуют. Голода вследствие неудачных экспериментов я не боялся – урожайность в моей «вотчине» изначально была достаточно высока, а благодаря сразу же взятому курсу на жесткое, «через коленку», внедрение самой передовой агрономии в старых, устоявшихся хозяйствах-подворьях даже и слегка выросла. В результате, вкупе с тем, что площади распаханной земли постоянно продолжали расти, мои элеваторы, строительство которых у меня пусть и заметно, на порядки, снизило темпы, но никогда не останавливалось, наполнялись весьма быстро. Потому что и прирост пашни у меня был значительный, поскольку и старые подворья росли по площади, да и новых закладывалось тысяч по десять – двенадцать каждый год. Хотя уже не за счет

новых переселенцев. Ну да здесь уже народу хватало. За пятнадцать лет, пока действовала переселенческая программа, сюда, в Северный Казахстан, успели переселиться около шести миллионов человек. Так что общая численность населения в моей «вотчине», то есть на землях севернее линии Свинцовая гора (в моем времени Джезказган) – Барнаул, с учетом местных жителей и народившихся уже здесь детей, сейчас составляла около одиннадцати миллионов человек, из которых приблизительно девять с половиной миллионов были русскими. (И поверьте мне, это было очень хорошее число. Во всем Казахстане покинутого мною времени насчитывалось всего миллионов шестнадцать!) А из этих девяти с половиной миллионов минимум восемь, а то и восемь с четвертью были крестьянами, которые с бо-ольшим энтузиазмом поддерживали устремления Всероссийского православного попечительского совета в области демографии. Делом, естественно. Средняя семья владельца подворья состояла из десяти – одиннадцати человек, как минимум семь из которых были детьми до пятнадцати лет. Доля же населения старше шестидесяти составляла не больше жалких трех процентов. И причиной тому была отнюдь не высокая смертность. Просто сюда, на новые земли, в никуда, в пустоту, устремились относительно молодые люди. Мало кому из переселенцев было за сорок, а основной массе – вообще меньше тридцати. И они еще не успели состариться. Но вот прибывшие с ними дети уже подросли и вошли в силу. Многие старшие сыновья, которые по всем традициям должны были унаследовать отцовское подворье, продолжали жить с отцами, даже будучи оженены, поэтому-то старые подворья и расширялись, постепенно прикупая земельку окрест. Больше рабочих рук на них стало! Недаром я в свое время приказал так нарезать подворья, чтобы между соседними было расстояние более километра. Причем в большинстве случаев оно было не меньше двух. То есть вокруг каждого подворья имелось еще от двухсот до тысячи десятин свободной земли. Развивайся – не хочу! Конечно, не все эти земли были пригодны для пашни, но насколько я помнил с тех времен, когда мы с солдатами ездили помогать колхозникам убирать их урожай (вернее, колхозники помогали нам убирать свой урожай), это было даже больше, чем площадь среднего колхоза в центральных областях России. Так что еще лет тридцать – сорок подворьям будет куда расти, а вот дальше пойдет жесткая конкуренция за землю. И дай бог. Конкуренция – это всегда хорошо...

Короче, резервные запасы зерна у меня были достаточно велики даже для того, чтобы кормить от пуза все население тех поместий, которые вследствие деятельности компании Болло оказались под моей рукой, даже если в них не будет собрано ни зернышка. Чего я делать, конечно, совершенно не собирался. Человек должен иметь возможность зарабатывать свой хлеб. Дать ему

возможность получать хлеб бесплатно – значит убить в нем все человеческое.

Но как бы там ни было, поддержать крестьян, моей безжалостной рукой отданных «в мыши» двум экспериментаторам, в случае если у них все пойдет не так, как они планировали, и случится неурожай, я был способен. Поэтому я предоставил Овсинскому с Миклашевским свободу действий. Однако предупредил, что принимать в качестве результата их трудов «сохраненную высокую духовность русского крестьянина» или там «самую передовую в мире технологию земледелия» не намерен. Не нужно мне производства в духе сатиры Жванецкого, когда предприятие не производит продукции, зато их оркестр в конкурсе художественной самодеятельности уже третий год занимает первое место, а само предприятие не раз награждалось вымпелами за образцовое содержание территории и последние два года удерживает переходящее красное знамя за ударный труд по уборке улиц во время коммунистического субботника. Дело крестьянина – растить хлеб. Сумеете сделать так, что в перестроенной по вашим планам и предложениям общине этого хлеба станет больше и он будет дешевле, – отлично, можете множить духовность как хотите – хоть организацией оркестра берестяных рожков и ансамбля ложечников. Нет – свободны.

И они таки это сделали. Конечно, не одни – пришлось сформировать вокруг Миклашевского полноценную управленческую тройку и усилить Овсинского десятком молодых выпускников землеведческого факультета (да-да, такое вот название) Магнитогорского университета, но уже на второй год воплощения программы себестоимость пуда зерна на отданных в управление экспериментаторам землях по сравнению с прошлыми годами снизилась почти на двадцать процентов. А урожайность, несмотря на погодные проблемы, ничуть не упала. В то время как в соседних уездах, а также в других хозяйствах тех уездов, где располагались мои земли, она снизилась минимум на треть, а то и наполовину. Ну, год был такой, не очень добрый...

Конечно, срок эксперимента был еще маловат, чтобы делать однозначные выводы, но распространить его шире, на разные регионы страны, отличающиеся климатом, почвой, региональной экономической моделью и так далее, уже было можно. Так что я приказал Миклашевскому и Овсинскому готовить людей для организации еще нескольких подобных хозяйств и подсчитать, что для этого нужно. Ну и сообщить мне, что мешает. Вот тогда-то Миклашевский и заявил мне, что очень мешают выкупные платежи, «о необходимости отмены которых русская прогрессивная общественность твердит уже десятки лет».

Ну, для меня требования «прогрессивной общественности» скорее были аргументом «против», но я предоставил Миклашевскому шанс с цифрами в руках рассказать мне, почему он считает, что это является основной проблемой. А параллельно засадил свою аналитическую группу посчитать хотя бы приблизительно, как отмена выкупных платежей изменит ситуацию в стране. Приблизительно, потому что, кроме объективных цифр, надо было прикинуть и влияние отмены выкупных платежей на мотивацию крестьян к переселению в Сибирь и в первую очередь на Дальний Восток, и возможное снижение их желания переходить на новые методы хозяйствования. Ибо, если эксперимент Миклашевского – Овсинского принесет плоды, я собирался предложить его для тиражирования как в качестве новой системы организации сельскохозяйственного производства, так и в качестве альтернативы организации общественной жизни села. А то у меня какой-то односторонний крен получался – в сторону фермерства. Потому что целинные подворья представляли собой именно фермы. И на данный момент сельскохозяйственное производство в центральных областях России было не в силах конкурировать с ними. То есть вроде как получалось, что общинное земледелие – нищета и отсталость, а вот хозяева подворий – наше будущее. А я всегда считал, считаю и, так как у меня была масса возможностей в этом убедиться, буду считать и впредь, что отсутствие альтернативы, то есть устранение конкуренции, вредно априори. К тому же, насколько я помнил, крупные предприятия почти всегда обеспечивают большую производительность труда. А из общины куда легче сделать такое крупное предприятие, чем из сообщества крестьян-фермеров.

И тут-то выяснилось, что Миклашевский прав. Выкупные платежи – жуткий тормоз. Причем главная беда вовсе не в текущих выкупных платежах (они были не такими уж и большими), а в накопившихся за сорок восемь лет недоимках. Ибо система была устроена так, что выплаты надобно было осуществлять каждый год, вне зависимости от урожая. А производительность труда во многих крестьянских общинах (именно общины выступали субъектом всех крестьянских выплат, в том числе налогов и податей в казну) была такова, что в случае неурожая, а то и просто недорода они едва сводили концы с концами. Поэтому ни о каких выплатах в эти годы и речи не шло. Следовательно, на следующий год требовалось заплатить вдвое, что было уже неподъемно даже в самые урожайные годы. И потому долги начинали расти, как несущийся с горы снежный ком. Тем более что на просроченные платежи начислялись штрафы, пени, из должников начинали тянуть все соки, отбирая в счет погашения недоимки скот и инвентарь, чем еще более снижали как производительность труда, так и товарность крестьянского двора, что лишало крестьян шансов вообще когда-нибудь выплатить долги. Общая сумма накопившихся недоимок на

1 января 1907 года составила более пятисот процентов годовых платежей, а в отдельных губерниях доходила до шестисот, что практически лишало работу на земле любого экономического смысла. То есть крестьянин работал на своей земле только «за еду», чтобы не умереть с голоду, а всю финансовую прибыль, идущую как на налоги и положенные выплаты, так и на приобретение редкого фабричного товара и мануфактуры, получал, как правило, за счет других видов деятельности – мелкого ремесла типа валяния валенок или изготовления варежек, рукоделья, отхожего промысла и так далее. Одной работой на земле ему было не выжить...

После этого аргументы насчет падения уровня мотивации к переселению мне показались иезуитскими. Тем более что программа переселения продвигалась успешно и за время, прошедшее с момента ее запуска, население русского Дальнего Востока уже увеличилось на два миллиона человек. А если прибавить и Северную Маньчжурию, которую уже, похоже, даже китайцы начали считать русской территорией, то на два с половиной. Еще около миллиона осели в западной и южной Сибири. К сожалению, большая часть территории Сибири была не слишком пригодна к занятию сельским хозяйством по причине многолетней мерзлоты, которую здесь пока еще не именовали «вечной». Территории же, подверженные ей, огромным языком вклинивались в Сибирь, изрядно накрывая западную ее часть и почти полностью – центральную и восточную, не доходя до южной оконечности Байкала и протянувшись на восток до самого устья Амура. Именно поэтому нам так нужен был север Маньчжурии. Только он мог дать продовольственную базу для успешного освоения богатств Дальнего Востока. Иначе все наши проекты по его освоению окажутся слишком затратными и при первом же сбое приведут к массовому оттоку населения из этих мест, из-за того что людям перестанет хватать денег на покупку привозного продовольствия. Что, кстати, и произошло с советским Дальним Востоком после начала Перестройки и последовавшего разрушения экономических связей. Ох, господа революционеры, в «моей» истории успешно устроившие бучу в 1905–1907 годах (во многом из-за нее Россия и проиграла Русско-японскую войну, вследствие чего потеряла шанс взять под свою руку Маньчжурию), как же вы подгадали стране! И через сто лет аукается...

Так что я принял решение поддержать перед племянником уже довольно громко звучавшие требования об отмене выкупных платежей. Хотя это означало, во-первых, очередной конфликт с Витте, ибо должно было привести к заметному снижению поступлений в казну и к трудностям для некоторых ключевых банков. Как бы ни было сложно, кое-какие деньги с крестьян все же собирали, а если учесть, что крестьяне составляли более семидесяти пяти процентов населения

страны[6 - В реальной истории на тот момент крестьяне составляли около 85 % населения, но ускоренное промышленное развитие России в текущей ситуации должно было сдвинуть соотношение.], общая сумма получалась весьма значительной... А во-вторых, резкое противостояние как минимум с частью дворянства. Поскольку платежи именно отменялись. То есть без всякой компенсации. Если честно, без моей помощи Николай не смог бы провести это решение никоим образом. У нас, слава богу, не случилось революции 1905–1907 годов, поэтому помещики не были напуганы земельными бунтами и массовым поджогом поместий и за те деньги, которые они считали своими, готовы были драться насмерть.

Поэтому подготовку к отмене выкупных платежей мы начали заблаговременно и по всем правилам ведения информационных кампаний. Все началось серией статей в массовых изданиях о тяжелейшем положении крестьянства. Журналисты смаковали леденящие души подробности о голодных смертях, публиковали жутковатые фотографии изможденных крестьян, изгалялись над жестокими приставами, за долги уводящими с крестьянских дворов последнюю корову, отчего у крестьянок-матерей пропадало молоко и их грудные дети были обречены на смерть от голода. Некоторые авторы увлеченно потоптались на мне. Потому что я внезапно для себя оказался владельцем едва ли не пятой части земель в центральных губерниях России. Конечно, не все эти приобретения были результатом «загулов» дворян на пароходах-казино Болло – некоторые участки я выкупил позже, когда принял решение о расширении эксперимента Миклашевского – Овсинского на другие хозяйственные и климатическо-почвенные зоны. Кое-что было прикуплено в процессе «округления» уже созданных хозяйств и разметки земель под новые. Однако большая часть земель все-таки пришла через «фирму» Болло. Так что уже к весне 1906 года я стал самым крупным землевладельцем в центральных губерниях страны. Причем именно на крестьян, хозяйствующих на землях, что принадлежали поместьям, которые перешли в мое владение, и падало наибольшее число недоимок по выкупным платежам. Ну да это было объяснимо – выпускать из рук успешные хозяйства смысла не было, поэтому в заклад банкам либо конторам, открытым на пароходах-казино, отдавали как раз наименее успешные. К тому же владельцы процветающих поместий, как правило, по ресторанам и казино не шлялись, предпочитая сидеть дома и заниматься хозяйством. А вот те, кто тратил жизнь на «элитные» развлечения (в число коих давно вошли роскошные пароходы-казино), считая, что именно доступ к «элитным» развлечениям делает элитой и их самих (ну как же, я вхож в такие рестораны, куда «простых» не пускают!), со своими поместьями, заложенными-перезаложенными в банках и ссудных кассах, расставались

довольно легко, еще и радуясь тому, как надули своих заимодателей, стравив их друг с другом...

Затем Овсинский и несколько его бывших товарищей по революционному движению выступили в газетах с открытым призывом «ко всем владельцам земли» показать «всем русским людям свою заботу о русском народе и стремление к его процветанию» и полностью отказаться от выкупных платежей, а также недоимок за прошедшие годы, ибо выкупные платежи есть главное зло, кое губит русского крестьянина – становой хребет русского народа и Российской империи. А взамен они готовы призвать всех революционеров исключить как терроризм, так и вообще все формы подпольной борьбы из методов достижения цели. Ибо если произойдет отмена выкупных платежей и недоимок, это покажет всем, что внутри государства и общества появился шанс договориться без взаимного истребления даже с самыми непримиримыми оппонентами. То есть террористическая деятельность потеряет всякий смысл.

Сидевшие в Цюрихе вожди «непримиримых» (ну прям чеченцы какие-то! Впрочем, в чем разница-то? И те, и другие – террористы, то есть обычные убийцы) во главе с Ульяновым, Брешко-Брешковской[7 - Брешко-Брешковская Екатерина (1844–1934) – одна из создателей и руководителей партии эсеров.], Троцким и братьями Гоц[8 - Михаил и Абрам Гоцы – основатели и одни из руководителей боевой организации партии эсеров. Я тут как-то провел поверхностный анализ национального состава русского революционного движения. По открытым источникам, т. е. по упоминанию русских революционеров в различных исследованиях, энциклопедиях и так далее. Так вот, при том, что славянское православное население составляло около 75 % населения Российской империи, в составе революционных организаций его доля не превышала 20–25 %. Наибольшее число революционеров (в разное время от 30 до 70 %) составляли евреи; еще одной крупной группой оказались, к моему удивлению, азербайджанцы, затем прибалты, то есть латыши, литовцы, финны, потом поляки и так далее. Причем понятно это стало не сразу, поскольку в революционной среде были широко распространены партийные клички и псевдонимы. Например, член ЦК РСДРП(б) Григорий Зиновьев на самом деле был Гершем Аароновичем Радомысльским, Лев Борисович Троцкий – Лейбой Бронштейном, а первый председатель ВЦИК Лев Борисович Каменев – Львом Розенфельдом. Увеличение числа славян в революционных организациях, по моим прикидкам, впервые произошло в 1905–1906 гг., а окончательно состоялось в 1917 году... Нет, я вполне допускаю, что у людей этих национальностей, вследствие не совсем умной национальной политики русского правительства, действительно было достаточно оснований для того, чтобы заниматься

революционной деятельностью. Но в таком случае мне не понятно, почему историю их борьбы и (к сожалению) победы называют историей русской революции?] просто слюнями изошли, облаивая Овсинского. Но тут в его поддержку выступили Аксельрод, Мартов и, ко всеобщему удивлению, Гершуни. Громы и молнии, которые зарубежные вожди метали в Овсинского, получили новые мишени и перешли в разряд внутривнутрипартийных склок...

Ну а затем на сцену выступил я.

Мое выступление, как и ожидалось, произвело эффект разорвавшейся бомбы. Как уже говорил, я внезапно для себя оказался не только самым крупным землевладельцем центральных губерний, но еще и самым жестоким «угнетателем» бедных крестьян. Так что, когда я торжественно и громогласно через прессу объявил о том, что отказываюсь от всех выкупных платежей, а также прощаю всем крестьянам, на которых лежит долг, перешедший ко мне вместе с правами на владение земли, недоимки за прошлые годы, – это произвело фурор. А уж когда выяснилось, что я еще готов и безвозмездно выплатить в некий общественный фонд сумму, равную годовому поступлению выкупных платежей со всех означенных крестьян, «для поддержки дворян, которые в настоящий момент находятся в затруднительном положении и потому не могут последовать велению своей души и немедленно отказаться от выкупных платежей», претендовать на выкупные платежи в обществе стало просто неприлично. Отказы от них стали массовыми. Тем более что за это можно было одновременно получить более-менее крупную сумму, поскольку некоторые передовые помещики, к примеру Столыпин и Обнинский (многие из них даже раньше меня отказались от выкупных платежей), тоже внесли собственные средства в созданный Фонд поддержки дворян, находящихся в затруднительном положении. Не особенно много, но уж явно больше обычных годовых выплат, которые в иных губерниях не дотягивали и до половины положенного. Что ж, часть денег, вполне возможно, пойдет на доброе дело, позволив отпрыскам обедневших родов получить профессию или начать свой «бизнес», а остальное... роскошные пароходы-казино Болло продолжали исправно курсировать по Балтийскому и Северному морям, так что беззаботным «попрыгуньям-стрекозлам», избавившимся от головной боли управления поместьями, было где пропеть остатки своего «красного лета». Да и не так много их насчитывалось – большинство таких поместий уже давно принадлежали своим хозяевам чисто номинально.

В общем, указ племянника был, по существу, констатацией уже случившегося и потому особенного сопротивления не вызвал. Наоборот, он вызвал всеобщий восторг, поскольку оказался одним из не слишком многих фактов полного единодушия государя, его одиозного дяди и всей прогрессивной общественности...

После оглашения указа ко мне подошел Витте и остановился напротив, окинув меня задумчивым взглядом:

- Не понимаю я вас, ваше высочество...

- А что так? - усмехнулся я.

Наше соглашение с Сергеем Юльевичем действовало. Я старательно следил за тем, чтобы военный бюджет прошлого и нынешнего года ни на рубль не превысил предыдущий (хотя его распределение поменялось радикально), а он беззвучно оплачивал все выставленные военным ведомством счета, даже если некоторые казались ему абсурдными, и безоговорочно поддерживал меня перед племянником, которого осаждал сонм генералов и старших офицеров, громогласно вопящих, что я разрушаю армию. Я никогда не любил Сердюкова, но именно сейчас вполне его понял. Потому что, едва только я занял пост военного министра, тут же выяснилось, что, прежде чем сделать с армией что-то внятное, требуется разобраться с тем, как все финансируется, потом максимально упростить систему, не обращая внимания на то, что отдельные ее части отомрут (даже если это будут ну очень полезные части и их потом, вполне возможно, придется восстанавливать), и только затем пытаться строить что-то новое.

Программу военной реформы мы начали разрабатывать еще в конце 1904 года, когда было закончено обобщение опыта Русско-японской войны. Хотя для того чтобы это обобщение позволило перейти к критике текущего состояния дел, мне пришлось ну очень постараться. А как же? Мы победили? Победили! Значит - гип-гип ура, мы самые-самые и потому нам ничего менять не надо. Это вон пусть япошки дергаются. Как мы их, а? То-то. А все потому, что наши солдаты - самые сильные, чудо-богатыри, млять; наши офицеры - самые толстые: если в оборону сядут, никаким япошкам их оттуда не скovyрнуть; наши интенданты - самые вороватые, у них на случай войны много всякого разного припрятано, три года

воевать можно, если заставить их всем этим поделиться... Вот примерно в таком виде и был составлен первый вариант итогового доклада комиссии по обобщению опыта действий русских и японских войск.

Признаться, я этого не ожидал. Вроде бы адекватные люди подобрались – так нет же... Пришлось отодвигать свои дела и перетряхивать всю комиссию, отбирая туда военных с более критическим взглядом. При большом сопротивлении Куропаткина[9 - Куропаткин Алексей Николаевич был министром обороны Российской империи. В реале его сняли с должности в 1904 г. за бездарное руководство войсками, но здесь, поскольку Русско-японская война не проиграна, а выиграна, его снимать особенно не за что.], кстати, который считал, что все необходимое уже сделано и можно приступать к «более важным вещам». То есть строительству полковых церквей, а также казарм, бань, расширению сети полковых пекарен и так далее.

Нет, поймите меня правильно, я вовсе не считал все это ненужным. Подавляющее большинство частей и соединений российской армии вынуждены были даже не жить, а существовать в крайне нищенских условиях, а некоторые и вовсе стояли «по квартирам». Но есть задачи первоочередные, а есть текущие. И пусть текущие тоже важны, но пренебрегать ради них первоочередными...

Во многом именно поэтому я и принял решение стать военным министром. Ибо понял, что, если сам не влезу в это по пояс – ничего не получится. Я собирался коренным образом реформировать армию, заставив каждого офицера, унтер-офицера и солдата максимально подготовиться к предстоящей мировой войне. Что было невероятно трудно, поскольку к «прошедшей войне» готовятся не только генералы[10 - Слова У. Черчилля: «Генералы всегда готовятся к прошедшей войне»]. На самом деле к ней готовятся почти все, кто вообще хоть к чему-то готовится. Потому что готовиться человек способен только к тому, о чем он имеет хоть сколько-нибудь внятное представление. А сколько-нибудь внятное представление человек способен составить только о том, что испытал на своей шкуре. Вот и получается цепочка: люди, прошедшие войну, оказываются самыми компетентными в армии, они на своей шкуре почувствовали, каково это – не уметь того, что призвано помочь тебе выжить в горниле войны, поэтому лучше других замотивированы на подготовку и в результате начинают гонять подчиненных, пытаясь научить их, как выжить и выполнить задачу, но делают это в рамках своего опыта, то есть в рамках как раз этой самой прошедшей войны. И да, это действительно лучшие

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Именно генерал Китченер был инициатором тактики «выжженной земли» и создания первых концентрационных лагерей, в которые помещали мирных жителей. Достаточно сказать, что в них погибло в три-четыре раза больше буров, чем в боевых действиях, и большинство из погибших составили женщины и дети. Так что это был настоящий, стопроцентный геноцид. И вообще термин «концентрационные лагеря» или «концлагеря» вошел в обиход именно после его деятельности в Южной Африке, а вовсе не во время Второй мировой войны. Гитлер лишь оказался хорошим учеником, развив и углубив англосаксонскую идею. (Здесь и далее примеч. авт.)

2

На самом деле корректировка корабельного артиллерийского огня с самолетов применяется довольно редко и в основном при ведении огня кораблями по наземным целям. Но главный герой не моряк и не мог этого знать.

3

Достоверный факт. Кстати, наибольшие потери в тот момент Сан-Франциско понес отнюдь не от самого землетрясения, а именно от пожаров.

4

Норвегия потеряла независимость в 1397 г., после чего последовательно являлась провинцией сначала Дании, а с 1814 г. – Швеции. Вновь независимым государством она стала в 1905 г.

5

В реальной истории выкупные платежи были отменены в 1906 г. в процессе революции 1905–1907 гг. и под ее давлением. Здесь же революционных выступлений сравнимого масштаба не было, поэтому их отмена, что есть дело однозначно полезное, произошла несколько позже и другим путем.

6

В реальной истории на тот момент крестьяне составляли около 85 % населения, но ускоренное промышленное развитие России в текущей ситуации должно было сдвинуть соотношение.

7

Брешко-Брешковская Екатерина (1844–1934) – одна из создателей и руководителей партии эсеров.

Михаил и Абрам Гоцы – основатели и одни из руководителей боевой организации партии эсеров. Я тут как-то провел поверхностный анализ национального состава русского революционного движения. По открытым источникам, т. е. по упоминанию русских революционеров в различных исследованиях, энциклопедиях и так далее. Так вот, при том, что славянское православное население составляло около 75 % населения Российской империи, в составе революционных организаций его доля не превышала 20–25 %. Наибольшее число революционеров (в разное время от 30 до 70 %) составляли евреи; еще одной крупной группой оказались, к моему удивлению, азербайджанцы, затем прибалты, то есть латыши, литовцы, финны, потом поляки и так далее. Причем понятно это стало не сразу, поскольку в революционной среде были широко распространены партийные клички и псевдонимы. Например, член ЦК РСДРП(б) Григорий Зиновьев на самом деле был Гершем Аароновичем Радомысльским, Лев Борисович Троцкий – Лейбой Бронштейном, а первый председатель ВЦИК Лев Борисович Каменев – Львом Розенфельдом. Увеличение числа славян в революционных организациях, по моим прикидкам, впервые произошло в 1905–1906 гг., а окончательно состоялось в 1917 году... Нет, я вполне допускаю, что у людей этих национальностей, вследствие не совсем умной национальной политики русского правительства, действительно было достаточно оснований для того, чтобы заниматься революционной деятельностью. Но в таком случае мне не понятно, почему историю их борьбы и (к сожалению) победы называют историей русской революции?

Куропаткин Алексей Николаевич был министром обороны Российской империи. В реале его сняли с должности в 1904 г. за бездарное руководство войсками, но здесь, поскольку Русско-японская война не проиграна, а выиграна, его снимать особенно не за что.

Слова У. Черчилля: «Генералы всегда готовятся к прошедшей войне».

Купить: <https://tellnovel.com/ru/roman-zlotnikov/vzlet>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)